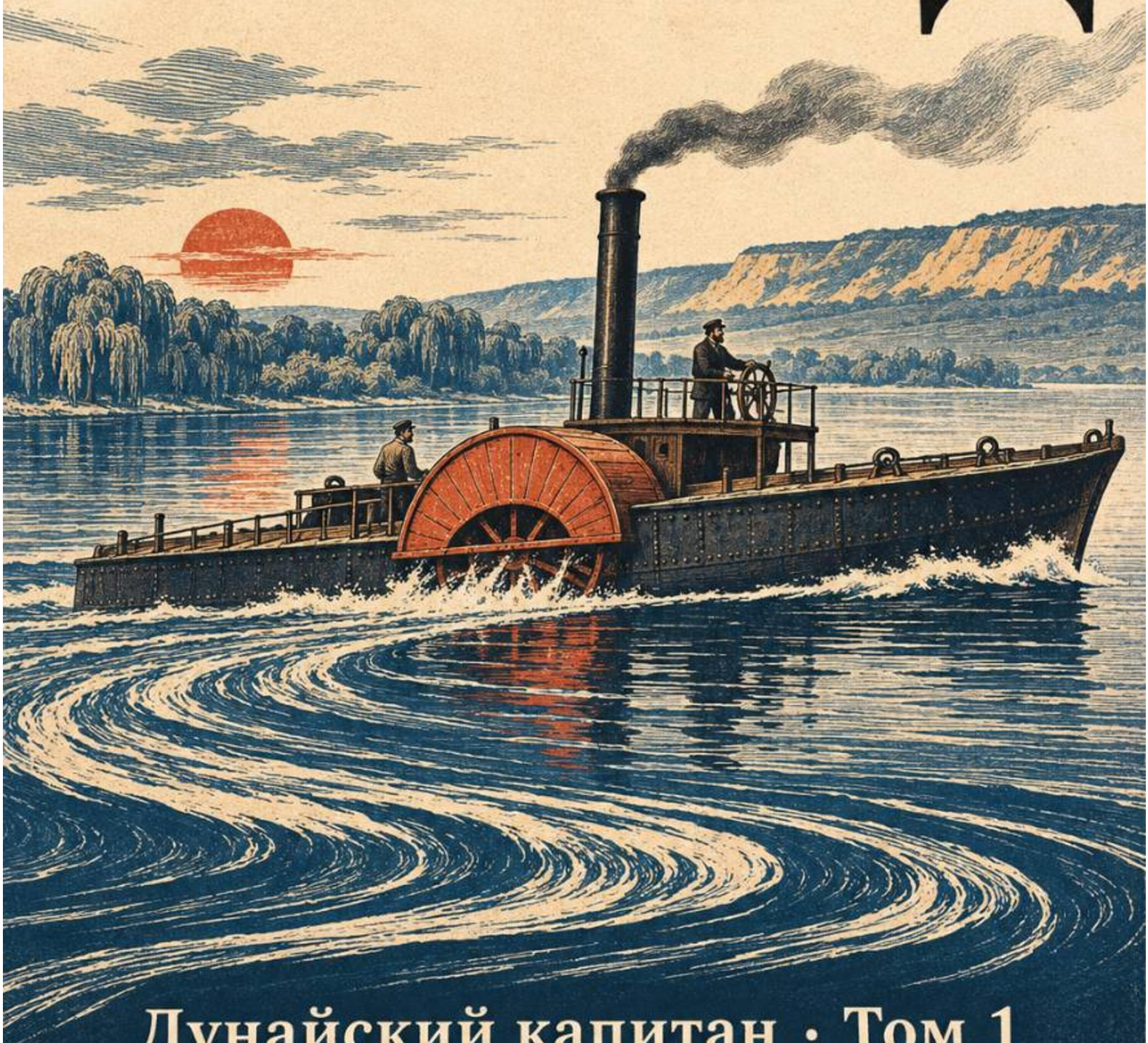
Гражданин планеты Земля

СТАРЫЙ ПАРОХОД

Дунайский капитан · Том 1

Гражданин Планеты Земля

Дунайский капитан. Старый пароход

«Автор»
2026

Планеты Земля Г.

Дунайский капитан. Старый пароход / Г. Планеты Земля — «Автор», 2026

«Ваше благородие, да бросьте вы этот гвоздь!» Денис Карелин оглядывается в поисках офицера. Минуту назад он тонул в Волге. Теперь под ногами у него трещат сходни, за бортом Дунай, а приказа ждут от него самого.Июнь 1877 года. В офицерской книжке Денис читает своё новое имя — лейтенант Андрей Сафонов. Под его началом старый колёсный буксир «Камыш» и одна баржа. В Систов надо доставить овёс и бинты, обратно, к Зимнице, вывезти раненых. С такой работой Денис знаком. Вот только отмели здесь знает лоцман Димо, а сколько ещё протянет старая машина, лучше спросить у Шилова.На обратном рейсе из прибрежных кустов выходят две османские лодки. Груз давно сдан, баржа пуста. Так зачем же гребцы изо всех сил стараются её догнать?

© Планеты Земля Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не та палуба 5
Глава 2. Машина не виновата 11
Глава 3. Пробный ход 18
Глава 4. Договориться с берегом 24
Глава 5. Баржу не отдавать 31
Глава 6. Свой капитан 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Гражданин Планеты Земля
Дунайский капитан. Старый пароход

Глава 1. Не та палуба

— Ваше благородие, да бросьте вы этот гвоздь!

Денис Карелин оглянулся было: кто у них тут благородие? Бородатый моряк, сидевший рядом на корточках, принял это движение за приглашение и крепко подхватил его под мышку.

— Меня за шею берите. Гвоздь-то что? Он и без вас здесь останется.

К красной шляпке и вправду прикипели чьи-то пальцы, длинные, с чистыми короткими ногтями. Денис разжал их и отпустил гвоздь. Вот, значит, чьи.

Он обнял моряка за шею и попробовал встать сам. Боль от правого плеча отдала в висок. Денис сел обратно. Выше, на берегу, солдат налёг на ручки тележки. Собирался катить её вниз по тем самым доскам, на которых сидел Денис.

— Стой с тележкой!

Солдат осадил тележку, колёса остановились у первого поперечного бруска. По сходням от баржи поднимались двое рабочих. Солдату за коробом тележки не видно было людей, а те, согнувшись, смотрели под ноги.

— Клинья под колёса. Дайте людям выйти!

— Лебедев, слыхал? — окликнул солдата бородатый.

— И в первый раз слыхал, — негромко сказал Лебедев. Потом каблуком загнал клин под колесо и поставил второй.

Лебедева Денис запомнил: уши большие, на солнце совсем прозрачные. Вот как он сам здесь очутился? Минуту назад была ночь на Волге. С аварийного судна бросили буксирный трос, с кормы отозвались, что приняли. Удар пришёл сбоку. На Дениса вместе со стойками поехало ограждение. Он открыл рот, чтобы крикнуть ребятам на корме, и набрал полный рот воды.

Возле самого его сапога тоненькой струйкой утекал в реку жёлтый песок. Деревянная опора, на которую был положен настил, одним концом уже висела над водой. Бородатый тянул его за собой вверх по доскам.

— Погоди. Там ещё народ.

— Туда им и надо, где вы теперь изволите сидеть.

Довод был хороший. При втором заходе Денис позволил себя поднять. Бородатый довёл его по уцелевшим доскам на берег и повернулся так, чтобы Денис мог на него опереться и видел всё разом. Если бы ещё и сказал, как его зовут, цены бы ему не было.

Они стояли у верхнего конца сходней. Тут доски лежали прямо на земле. Внизу, у баржи, наружный край осел, между ним и бортом плескалась вода. На перекошенных досках, прижавшись друг к другу, стояли двое рабочих. С баржи им протягивали руки, с берега кричали разное хорошее, от «держись!» до «да прыгай ты!». Совета никому больше не требовалось.

— А ну отойдите, — сказал бородатый тем, кто стоял в проходе. — Сами-то куда полезли? Советы и с берега слышно.

Лебедев завернул выходивших со сходней в сторону от тележки. Они примкнули к тем, кто уже смотрел. Солдат молча показал ещё дальше. Тем временем кто-то у швартовов предложил подтянуть баржу носом к людям. Можно будет просто перешагнуть. Бородатому это пришлось по душе.

— Пётр, подберём маленько?

— Оставь, как стоит, — сказал Денис. — Там у человека нога. Ему её между бортом и сходнями разжуёт. Удержишь баржу на месте?

Моряк высунулся над краем, глянул вдоль борта. И только теперь выпустил Дениса из рук.

— Так удержу. Осипов, слышишь? Швартовы оставить. Карпов, Гаврилов, к целой стойке оба. Лебедев, назад их, назад! А ты, в сером, погоди. Вот до тебя сейчас доберёмся.

Вот и боцман нашёлся. На том берегу, наверное, тоже хорошо слышали, что швартовы трогать не велено.

За баржей слабо дымил небольшой пароход. Гребное колесо под кожухом стояло. Хорошо, хоть от парохода вода не гонит баржу на сходни. Денис по привычке потянулся показать, куда бросать верёвку. Правое плечо отозвалось так, что он подобрал локоть и дальше распоряжался на словах.

— Конец на стойку. С баржи дадите?

Карпов поймал мокрую верёвку, Гаврилов перегнулся к стойке. Вдвоём натянули её над целым брусом. Теперь тому, кто полезет наверх, будет за что ухватиться. На барже, задрав голову, стоял рабочий с тяжёлым подбородком. Кажется, Пётр. Его напарник держался чуть поодаль.

— Крепко там?

— Крепко, ваше благородие. Хотите, сам пройду? — Карпов уже перебирал ногой, искал, куда ступить.

— Оставь ему место. Эй, в сером! Сюда смотри.

Человек в сером смотрел вниз, на протянутую ему руку. Пятерня была широкая, крепкая. Чтобы до неё добраться, предстояло отпустить доску и прыгнуть.

— На кого прыгнешь? — спросил Денис.

— Да на меня, господин лейтенант, — ответил с баржи Пётр. — Его снизу придержать можно, только нога-то у него за планкой. Как он вам прыгнет?

Денис видел, что человека зажмёт бортом. Самого сапога, сколько ни высовывайся с берега, за досками не разглядеть.

— Помоги ему с ногой, Пётр. А ты, в сером, держись за верёвку.

Пётр подставил ему плечо под колено. Рабочий повис на верёвке, сапог сошёл с планки и звякнул гвоздями подмётки о борт баржи. Услышав этот звук, второй на сходнях немедленно подался за первым.

— Не толкай его, — сказал боцман.

Как у него после окрика на весь берег нашёлся такой голос, уму непостижимо. Денис рядом едва расслышал.

— Я не толкаю.

— Ну и хорошо. Стой со мной.

Он положил ладонь на стойку возле лица мужчины. Тот посмотрел на неё и взялся рядом. Серый уже полз наверх. Карпов протянул ему руку и помог перебраться на целые доски. Мужик двинул дальше, придерживая штаны, которые сползли у него в самый неподходящий момент. На земле он с великим облегчением поднял их обеими руками.

Тут он собрался лезть обратно — встречать товарища. Боцман одним движением бровей объяснил ему, что встречать лучше с берега.

Когда прошёл второй, на барже остались двое, которые помогли всем остальным. Пётр уже тянулся за верёвкой. Без людей доски чуть сдвинулись, конец верёвки соскользнул между ними. Чтобы достать его, Петру пришлось бы лечь животом на борт и свеситься вниз.

— Пётр! Куда полез?

— А конец вы кому оставили? Мне же его и доставать, господин лейтенант.

— И впрямь тебе оставили. Гаврилов, спусти ему конец. И руку подай, когда подниматься будет.

Рыжебровый матрос лёг на целый брус, опустил верёвку. Пётр подождал с протянутой ладонью. Поймал верёвку, натянул её, шагнул с баржи на брус и вскоре уже сам смотрел сверху на товарища.

— Седых! Давай за мной! — крикнул он.

Боцман снял с шеи платок, сложил наискось. Со лба у Дениса скатилась тёплая капля. Стало понятно, для кого платок.

На полдороге Седых вдруг остановился. Все увидели, как последний человек на дурных досках осторожно оборачивается, нагибается и начинает отцеплять от щепы подол рубахи. Отцепил. Разгладил его на ляжке. Только после этого сошёл на твёрдое.

— Стоишь? — спросил Денис.

— Да уж стою. А вы, господин лейтенант?

Оказалось, Седых держал его под левый локоть. Тут и боцман подошёл, прижал платок к Денисову виску и положил сверху его же ладонь. Осторожно загнул пальцы один за другим.

— Лебедев, за старшего останешься. Сходни закрыть, тележку не трогай. Полюбуйтесь вон отсюда, кто не нагляделся. Ну, ваше благородие, вас-то мне теперь можно к доктору?

— Ты давно хотел?

— А вы как сели на гвоздь, так с той самой минуты.

Он предложил левый локоть. Денис за него взялся. Там, где минуту назад стояли люди, на мокрых досках сох тёмный след от сапога.

* * *

Под навесом их ждал полный доктор в тонких очках. Он велел посадить Дениса на скамью.

— Как упали?

— Правым плечом пришёлся, — ответил боцман.

— Лаптев, — сказал доктор. — Вы плечом пришлись?

— Да что вы, Пётр Алексеевич. Я за рукав его ухватил, только поздно. Опора пошла. Часов в девять это было.

— Хорошо. Теперь я с господином лейтенантом поговорю, а вы ему фуражку поищите. Платонов, вымочите платок. Кто-то его на совесть приладил.

Значит, боцман — Лаптев. Тот положил фуражку, которую уже нашёл без докторова совета, на край скамьи. На донышке у неё сохла грязь. Лаптев отколупывал её ногтем и слушал обоими ушами.

Денис ответил, что видит хорошо, пока не пытается встать. Как упал, сказать затрудняется. По просьбе доктора шевельнул пальцами. Тот попробовал отвести правую руку от бока, и боль прошла от ключицы до локтя. Платонов наконец снял присохший платок.

— Глубоко я там разбил? Дайте взглянуть.

Платонов подал зеркальце. Светлая мокрая прядь прилипла к ссадине на виске. Возле левой брови белел короткий старый рубец. Денис хотел было вытереть грязь под глазом, а пальцами попал в стекло. Он отодвинул зеркало. На него смотрел юноша, и ему сделалось гораздо страшнее. Он прекрасно помнил себя молодым. Это был другой.

— Зашивать не надо, — сказал доктор. — А шрам у вас старый. Вы меня слышите?

— Слышу. — Денис отдал зеркало, и Платонов перевязал ему голову.

За спиной у Дениса кричали, чтобы к Нижнему сходу больше не везли груз. Поглядишь с дороги под навес — сидит офицер, рядом доктор, боцман чистит фуражку. Денис позавидовал человеку, который там проходил с ведром.

— Андрей Никитич, — сказал Лаптев, — Ярцев спросит, с людьми что, я ему скажу. О сходнях сами доложите?

Он отковырнул от фуражки особенно удачный кусок. Придержал на ногте и подождал, что скажет Андрей Никитич. Какие у Андрея Никитича были отношения с Ярцевым, Денис Павлович Карелин знать не мог. Придётся выяснять.

— Кто такой Ярцев?

Лаптев сдунул глинку, и синее сукно больше от него не страдало.

— Наш морской начальник. Капитан-лейтенант. Вы же, Андрей Никитич, от него с утра пришли.

Денис подождал. Ни лица, ни самого этого утра. Боцман посмотрел на доктора. Вот тут они оба могли из самых добрых побуждений уложить господина лейтенанта немедленно. Допроситься у них ещё хоть слова будет потом очень трудно.

— Значит, сделай милость, отведи к нему и представь. А поручение я хотел бы ещё раз прочесть.

— Так оно у вас. За книжкой.

Лаптев показал на расстёгнутый борт кителя. Левая рука Дениса сама легла на знакомую ей книжку. Обложка кожаная, обтёртая по краям. На первом листе мелко и разборчиво было написано имя владельца. Андрей Никитич Сафонов. Ниже той же рукой — пароход «Камыш».

В книжку был вложен приказ: принять «Камыш» с баржей и возить то, что назначит береговой начальник. Внизу подпись Ярцева. Денис прочёл приказ, проверил оборот, нет ли ещё чего. Долго же человеку удаётся не видеть дату, когда он её уже увидел.

Шестнадцатое июня тысяча восемьсот семьдесят седьмого года.

Доктор подвинул фуражку и сел рядом. Поглазеть на такую бумагу тут никому и в голову не приходило. Даже Лаптев отошёл на край тени и дал лейтенанту дочитать то, что тот видел ещё утром.

— Пётр Алексеевич, как ваша фамилия?

— Долин.

— Спасибо, доктор. Мне надо к морскому начальнику. А после можете меня хоть спать уложить.

— Лаптев отведёт. До Ярцева по берегу дойти можете. На пароходе ляжете и будете лежать. Утром приду взглянуть на плечо, тогда и поговорим.

Денис убрал бумагу за книжку и взял фуражку. С виду он получился вполне пригодный для явки к начальству, пока не попробовал её надеть. Доктор велел нести в руке.

* * *

До Ярцева шли берегом. Из-за реки доносился колокольный звон, сквозь дым над крышами белела стена. Слово «Зимница» почему-то вертелось на языке у Дениса. Он показал на город.

— Там Зимница?

— Зимница за нами, ваше благородие. На том берегу Систов.

— Чует моё сердце, к вечеру я тебя с этими вопросами замучаю.

— Так нам с вами нынче только к Ярцеву да на койку, — сказал боцман. — Койку я вам покажу сам.

Денис усмехнулся. У Лаптева так хорошо вышло слово «нам», что впервые за это утро стало малость легче.

Ярцев стоял под парусиновым навесом, глядя в разложенную на столе карту. Услышав сапоги, он повернулся им навстречу.

— Ваше высокоблагородие, господин лейтенант Сафонов от доктора, — доложил Лаптев. Вот молодец. Представил их друг другу, как о том и просил Денис, и Ярцев даже брови не поднял, хотя они виделись нынче утром.

— Людей-то в воду посылали? — спросил Ярцев.

— Все своим ходом вышли, ваше высокоблагородие. Опору подмыло. Боцман оставил у сходней солдата, больше туда никто не полезет. Мне доктор сегодня на судне работать запретил.

— Лаптев, передайте, чтоб и груз в ту сторону перестали свозить, дорогу заступят. Садитесь, Сафонов, с вас довольно.

На столе лежала карта, придавленная жестяной кружкой. Вот два города, вот знакомый по атласу синий загиб Дуная. На Волге, скажи ему «Дунай, семьдесят седьмой год», он бы вспомнил Плевну и Шипку. На чём везли обратно людей, которые уже не могли ходить, он бы не вспомнил. Денис посмотрел на Систов и представил у баржи того же Седых с носилками в руках. Сегодня тот прошёл по доскам боком, да и то рубаху пришлось отцеплять от щепы. А с лежачим куда ему там деваться?

— Поручение помните, Сафонов?

— Да. От Нижнего схода у Зимницы брать груз. На той стороне принимать будут здесь?

Ярцев подвинул кружку, закрывшую надпись у Систова.

— У Виноградного спуска. Нам обе площадки нужны. В городе со своими возами негде повернуться. Что у вас с буксиром?

— Судить мне пока трудно. Поглядеть успел разве что на колесо.

— И как?

— Стоит отлично.

Морскому начальнику ещё со вчерашнего дня надо знать, что он сумеет перевезти, а лейтенант разбил голову и принёс драгоценные сведения о стоячем колесе. Денис пожалел, что с чувством юмора своего начальства не познакомился заранее.

— А если с берега велят идти? — спросил Денис. — Мне сперва надо узнать, как буксир справится с баржей.

— Доложите мне, что мешает. Береговой начальник кладь назначает. А пока чинят сходни, сколько возьмёте на одном буксире?

— Без осмотра не скажу. И насчёт баржи хочу со старшим машинистом поговорить. Не получится ли у нас, что дойти до берега мы с этим грузом дойдём, а остановиться там нечем?

— Шилов вам скажет, — заметил Ярцев. — Всё скажет. И чего, может, вы не спрашивали. Я его на Дунае подольше вашего знаю.

Он отпил из кружки. Сначала Денису показалось, что тот набрал воды в рот, чтобы справиться с улыбкой. Ярцев повернул кружку к свету. Там плавала мошка.

— Сегодняшний выход я отменю, — сказал Ярцев. — На берег отсюда передадут. Утром разбирайтесь с Шиловым, а потом покажете, с чем хотите пробовать. Поручение остаётся за вами, Сафонов. Что ещё?

— Как зовут машиниста?

— Ефим Лукич. Поручение у вас?

Денис положил ладонь на книжку. Карта с двумя городами, мошка в кружке, бумага под ладонью. Многое надо было бы убрать с этого берега, чтобы он перестал быть настоящим.

— У меня, ваше высокоблагородие. До утра.

* * *

Пароходные каюты во все времена пристраивали туда, где для людей оставалось место после размещения вещей поценнее. Койка под носовой палубой была на одну фуражку длиннее нынешнего Дениса. Он убрал фуражку в ноги, положил на узкий стол книжку и распоряжение. Щурясь от света в маленьком окне, лёг на спину. На косяк двери уже падала густая жёлтая полоска, когда он опять открыл глаза. Проспал до вечера, ни одного сна не видел.

Наверху кто-то объяснял товарищу, почему у человека не могли украсть оба сапога с правой ноги. Потом голоса двинулись к корме. Судя по шагам, хотя бы один из двоих ходил вполне свободно.

Он дотянулся до стола, нашёл книжку на ощупь и положил её себе на грудь.

Денис Карелин, сорока одного года, капитан речного буксира, утонул сегодня на Волге. А теперь он лежал в теле лейтенанта Сафонова. Он прижал книжку ладонью к груди. Под ней билось чужое сердце. На Дунае было шестнадцатое июня тысяча восемьсот семьдесят седьмого года.

Там, на Волге, должны позвонить Лизе.

Он лежал смирно, боясь пошевелиться. Скорее всего, трубку возьмёт бабушка, потом скажет Лизе. А если дочь возьмёт сама? Ей семнадцать лет. С первого «здравствуйте» поймёт. И дослушает до конца, даже скажет «спасибо». Привыкли они с ней, с тех пор как умерла жена, другому сперва дать договорить.

Он видел, как она сидит в обувном и вертит перед камерой ногами в разных босоножках. Одни красные, другие рыжие, на пробковой подошве. То пальцы вытянет, то покажет сбоку. Спрашивает со всей серьёзностью, какая нога ему больше нравится. Обе нравятся. Он сидел на буксире, тратил время на разговор о босоножках и был совершенно счастлив.

«Красные», — сказал он тогда.

«Красные мне бы и бабушка выбрала».

Так которые же она взяла-то, господи?

Он поднёс здоровую руку к лицу и лежал так, пока не защипало под повязкой. Ему бы услышать её хоть ещё раз. Пусть ничего не говорит, пусть подышит в трубку, пока он здесь лежит.

На стоянке стемнело. С берега потянуло угольным дымком. Вода плескалась у самого уха. На Волге Денис перед сном знал по шагам, кто ходит у него над головой. Здесь кого узнаешь с закрытыми глазами? Разве Лаптева. Да и того, пожалуй, только если заговорит.

По дороге на пароход Денис спросил у него про Шилова. Уж больно любопытно было, отчего Ярцев так сказал про машиниста.

— Завтра сам в машину спущусь. Ефим Лукич мне покажет, какую баржу мы с ним потянем?

— Покажет. Только имейте в виду, Андрей Никитич, это вы к нему про машину идёте. А ему тоже охота взглянуть, с кем завтра на реку выходить.

— И что ты ему скажешь?

— Я? — Боцман ещё тогда улыбнулся себе в бороду. — Я, Андрей Никитич, приду вас обоих послушать.

Глава 2. Машина не виновата

Долин застегнул ему верхнюю пуговицу. С остальными Денис уже наловчился управляться левой рукой, а верхняя всё норовила уйти под подбородок.

— Вы у меня сегодня правой рукой ровно столько и поработайте, — сказал доктор. — По судну ходите, с людьми говорите, верёвок не тяните. К ночи разболится голова, пришлите за мной. И поешьте наконец. Вам, пока я здесь, кашу дважды носили.

Каша остыла, а он съел до последней крупинки. Вчера и глоток воды давался с трудом. Он оглянулся в поисках добавки, но сверху уже донёсся знакомый голос.

— Андрей Никитич, вы оделись? А то Ефим Лукич сейчас сам всё починит, не на что будет посмотреть.

Денис вышел на палубу и получил по левому сапогу струёй воды.

— Поставьте, будьте добры, второй сапог туда же, куда этот. А то я вам его тоже оболью.

Говоривший выглядывал из машинного люка. На уровне его глаз были два сапога, один ещё сухой, другой уже мокрый. Вода бежала по наклонной палубе к борту. Трубка у края люка хрюкнула.

— Живая, — сказал Денис.

— А мне-то как раз её голос и ни к чему. Была бы здорова, текло бы молча.

Машинист высунулся повыше. В волосах у него белела седая прядь, за большим, перемазанным маслом ухом торчал короткий карандаш. Он потянулся за кружкой.

— Ефим Лукич Шилов? Я к вам.

— Так я и думал. Прохор Егорович, а ты за чем?

— Я тебе что, в машине помешаю?

— Боюсь, ты мне её рассмотришь до дыр. — Шилов забрал кружку и подался назад. — Спускайтесь один, Андрей Никитич. Со вчерашнего дня тут ничего нового не выросло, а услышит он и так.

Боцман с готовностью устроился у люка. Судя по тому, как ловко он поместил колено в выемке и опёрся на него подбородком, место было насиженное.

В машинном отделении было тепло, пряно пахло маслом. Денис по старой привычке пригнулся там, где можно было идти в полный рост, зато на последней ступеньке выпрямился и задел затылком железную скобу. Затылок у лейтенанта оказался ничуть не крепче, чем у волжского капитана. Кочегар у топки повернулся, подвинул совком уголь и уступил пятачок, с которого видны были оба цилиндра.

— Ефим Лукич, через что вы получаете команду на ход?

— Через люк. Только люк я вам и сверху мог показать. Вы скажите сперва, чего от машины хотите.

— Мне велено брать баржу. Я её даже порожнюю ещё не водил. Хочу попросить у Ярцева груз для пробы. С каким вы согласны идти?

— С берега вчера приходили, — сказал Шилов. — Судно почему стало? Оттого, что на нём машина не тянет? Оттого, что у меня в трюме вода? Сперва один приходил, потом двое. Один так до конца и не поверил, что машина исправна. Ушёл за товарищем, говорит, тот в этих делах понимает. Своего же машиниста на судне нету. Матвей, слышал, чего приходили вчера?

— Чего? — мирно спросил кочегар, не обернувшись.

У люка наверху коротко хрюкнуло. Трубка или Лаптев, поди разбери. Денис поглядел на запылённые лопатки Юдина, на спину Шилова. Оба ждали, что он скажет. На Волге человеку, бывало, довольно поглядеть на его сивую щетину, чтобы поверить, что он хоть раз водил буксир. У нового его лица были свои достоинства. Убедительности им пока недоставало.

— Сходни подломились под людьми, на моих глазах. Я сам просил отменить выход. Вас вчера не видел и вашей машины ни в чём винить не мог. Об этом хотели спросить, Ефим Лукич?

Тот через плечо поглядел вверх.

— А мне передали, будто вы спросили, не уедем ли мы со всем этим добром прямо на берег.

— Так я спросил. Баржу потянуть хватит, а переменить ход вовремя?

— Это другой разговор, Андрей Никитич. Тянуть я вам потяну. И колёса назад пущу по вашему слову. Баржа вас слушаться не обязана. Я уже задний ход дам, а она ещё вперёд пойдёт. Далеко ли с полным грузом — вот этого я вам сегодня не скажу. Начните с малого, на чистой воде поглядите, что будет.

С люка свесилась широкая ладонь и подобрала на крышке машинного ящика кем-то обронённую гайку. Внизу никто не полюбопытствовал, откуда явилась ладонь. Денис невольно улыбнулся. Раз уж человек обещал послушать, так послушает всё.

— Что у нас с водой?

— Ручной трюмный насос воздух хватает. Эту вот трубку вам с утра и показали. На котёл и на главную машину это не перейдёт. Дайте мне час. Матвей, принеси ведро, подержи тут.

Работа нашлась и для Дениса. Шилов поручил ему держать кружку, а сам через тряпку плотно зажал стык трубки, по которой насос тянул воду. Длинный шланг спустили назад с палубы. Юдин качнул рукоять, и в подставленную кружку бодро ударила вода. Шилов разжал пальцы. Струя истончилась и оборвалась знакомым утренним хрюканьем.

— Вот и нашли. А эту кружку питьевую отодвинь, Матвей, пожалуйста. Хотя обе теперь одинаково чистые.

Юдин обозрел обе, ничего одинаково чистого, видимо, в них не нашёл и отнёс питьевую подальше. Шилов осторожно вынул из стыка старую промасленную пеньку и положил себе на ладонь. Недавно ещё Денис объяснял практиканту, зачем укладывать рядом вынутую деталь, если через полчаса всё равно её выбросишь. Чтобы потом можно было сравнить. А здесь в машине поневоле залюбуешься, как этот старший машинист, вовсе не глядя под руку, укладывает туда свежие прядки пеньки: в щель едва пролезают его толстые пальцы.

— Шею свернёте, Андрей Никитич. Когда воду увижу, позову. Хотите, попробуем, услышу ли я вас через люк?

Денис поднялся к рулю, где висел за ушко колокольчик. Машинист встал на своё место. Денис окликнул его, попросил ответить, когда услышит. На слово «ответить» Юдин грохнул лопатой. В открытом люке показалось большое ухо.

— Слышать слышал, — сказал Шилов. — А чего вы просили?

Денис тронул пальцем колокольчик.

— Часто позвонили, колёса остановлю и буду ждать, — донёсся голос Шилова. — Есть человек у люка, через него и пошлите. Чтобы ответ вам обратно принёс!

За трубой и кожухом колеса скрывалась корма. Лаптев там хоть чудеса мог руками творить, отсюда их не увидишь. Он подождал, пока Денис спустится от штурвала, и положил подобранную гайку на край борта.

— Ну как, Прохор Егорович? Наговорились мы с ним?

— Когда вы про воду заговорили, Андрей Никитич, я, признаться, думал, что вас на полдня хватит. А он вам кружку дал. Он эту кружку даже мне не даёт, всё боится, что уйду с нею наверх. Пойдёмте, я вам тоже кое-что покажу.

На носу боцман взялся за рукоять лебёдки, которой поднимали якорь. Пустой барабан немного повернулся. Плоская железка, которой полагалось зацепиться за очередной зуб и удержать барабан, соскользнула. Лаптев подставил под неё палец, повернул к свету слизанный конец.

— Вот вам собачка. Пустой барабан держит, когда захочет. Под тяжестью я на неё никому положиться не дам.

— Что, если кузнецу показать?

— Снимать надо. По старой выкует новую, потом Ефим Лукич приладит и испытает. Когда вы мне этот день дадите, тогда мы скорей всего и управимся.

— До починки на якорь рассчитывать не будем. Для пробы нужны два места, где можно привязать баржу. Если на том берегу нас не ждут, стоим здесь. Годится?

— Для «Камыша»? Годится.

— А зачем… — из люка выглянул Юдин, переждал конец разговора и начал опять. — Прохор Егорович, зачем у вас моё ведро?

У самой лебёдки стояло ведро с вмятиной на боку и мокрой тряпкой на дне. Лаптев без слова вынул из него свои инструменты и вернул законному хозяину.

Часа хватило и на новую набивку, и на пробную откачку. Юдин налил в трюм воды. Они с Шиловым брались за рукоять по очереди и выкачали всё, что налили. Денис на этот раз стоял где надо и видел хорошую ровную струю. К полудню у него высох сапог, а у Ефима Лукича остыл чай.

* * *

В первый раз своего лоцмана Денис увидел за необычным для лодочника занятием. Тот держал весло за широкую лопасть, а тонкой рукоятью добывал с крутого бережка шляпу. Раньше она была круглая и, может быть, даже красивая. С палубы Гаврилов, наклонясь всем телом, давал советы, как тут действовать веслом. Для полноты удовольствия не хватало, чтобы он сам свалился человеку в лодку.

— Всё, — сказал лодочник.

Гаврилов раскрыл рот. Шляпа прилетела прямо в руки.

— Не выжимай. А то высохнет, сам голову в неё не просунешь. Здравствуйте, господин лейтенант. Димо Стоянов. Говорят, вам нужен человек, который покажет дорогу. У вас на колёсах сколько ширины выходит?

Денис уже успел узнать у боцмана ширину с кожухами. Сказал. Димо вытянул шею, посмотрел вдоль ближнего колеса вверх по течению. Волосы у него вились мелкими крутыми кольцами, правый глаз был чуть прищурен. Длинными пальцами с жёлтыми пятнами краски он подобрал болтавшуюся через борт верёвку.

— У Виноградного спуска давно были? — спросил Денис.

— Вчера к вечеру. По правому берегу шёл. Для меня воды хватило, только вы в мой след обоими колёсами не попадёте. А здесь у вас до Нижнего схода сегодня с утра был. Ваши люди там на жерди стояли. Один лёг дно высматривать, другой держал за штаны.

— Опору чинят, — сказал Лаптев. — До тебя у нас трое было. Каждый за свою реку головой ручался.

— Мы в Систове живём. Мать моя, когда её спрашивали, поднимется вода или нет, отвечала вернее всех. Поднимется, говорила, я тебя разбужу. Пойдёмте к сходу посмотрим. Шест со мной. Где им до дна не достану, опущу лот — грузило на верёвке. А после ночи загляну на правую сторону, пока вы здесь грузитесь. Что найду, то и скажу. За вчерашнюю воду денег с вас не возьму.

— Где вы так по-русски научились?

— В Одессе пожил. Там мало, чтоб ты хозяина понял. Надо, чтоб и он тебя понял, когда плата не сошлась. Вот вы со мной теперь за что сговариваетесь?

Он не напрашивался. Ему вполне было чем заняться на реке, если ответ не понравится.

— Сегодня промеришь глубину там, где будем грузиться, а завтра пойдёшь с нами лоцманом. Обе работы за плату. Лодку твою на промер наймём отдельно, если согласен.

— На промер со мной — пожалуйста. Пока я у вас наверху, за лодкой кто смотрит?

— Поставим у своего поста. Сам выберешь, где привязать.

— Хорошо. Если кому понадобится в ней ехать, спросите меня сами. Я и тогда, может, охотно дам. Не хотелось бы спрыгнуть у вас с мостика и искать собственную лодку до Рущука.

— По рукам. Фамилию я записал. Меня зовут Андрей Никитич.

Димо протянул было правую, увидел, что Денис подаёт ему левую, и перевернул свою ладонью вверх, чтобы можно было пожать как следует. Пока ещё единственный человек здесь, который познакомился с ним по обыкновенному порядку. Можно было ему вслед за этим сказать что угодно, а после не оглядываться, не говорили ли они об этом вчера.

Лодочник прикинул, как встанет буксир под погрузку. Шест, положенный им поперёк лодки, одним концом ушёл под кожух.

— Вон на том месте я свободно прохожу и с борта водяную траву в кулак собираю. А у вас там как раз колесо пойдёт. Посмотрю, докуда песку намыло. Под плотников не полезу, пускай работают.

Денис спросил, где на воде можно повременить, если у спуска ещё возятся. Димо подался к самому носу и указал вдоль реки на широкую полосу дороги среди зелени. Верхушку дерева, по которой он на своём берегу находил это место, через полуденное марево Денис различил не сразу.

— А сколько ваша баржа пройдёт, пока вы её тут придержать сумеете? — спросил Димо.

— Вот ровно затем и едем, чтоб это узнать. Где понадобится отвернуть, там тоже пройдись с лотом.

Димо налёг на весло. Лаптев проводил его взглядом.

— Как люди поедят, Прохор Егорович, собери у нас тех, кто будет завтра на отходе. И того, кто с берега конец отдаст.

— Есть. — Боцман подождал, не будет ли ещё чего. — И берегового?

— Да. С ним особенно хочется познакомиться.

* * *

После полудня возле «Камыша» так славно пахло печёным луком, что хотелось отложить все дела и узнать, у кого это вышло. На палубе ждал Димо. Он вернулся от Нижнего схода, показал Денису, где у баржи можно встать буксиру, а где нащупал шестом нанос, ещё мягкий, словно тесто. Сидел на краешке палубы, свесив тёмные пятки над лодкой, и доедал хлеб. Матросы стояли. Гаврилов успел нахлобучить выловленную шляпу. С неё ещё капало ему за ворот.

— Долго начальство ждать, ваше благородие? — спросил Лаптев.

— Я всё начальство. Подойдите сюда, где потеснее. Пускай каждый скажет, что на отходе будет делать. Чего ждёт, прежде чем начать.

— Как отходить, они знают. Вам я и сам могу доложить. Или вы думаете, мы до вчерашнего дня ни разу не отходили?

Говорил негромко, а Гаврилов аж ощупывать мокрое ухо перестал.

— Это вы отходили. А я на этом буксире ещё ни разу. Мне тоже скажете, если где оплошаю. С кормы вы меня видеть будете?

Лаптев сошёл на корму. Крупный человек, не из тех, кого трудно заметить. Исчез целиком.

— Ну что, увидали? — раздалось из-за трубы.

— Только как пошли.

— Я всё думаю, ваше благородие, откуда вы взяли манеру по-учёному допрашивать матроса о том, каков у него конец в руках?

Пришлось боцману вернуться к левому кожуху, чтобы они могли смотреть друг на друга.

— На реке перенял. Удерживали чужое судно на течении. Крикнул я на корму, оттуда отвечают моими же словами. Кому отвечают? Мне? Полагаю, что мне, и велю дать ход. А человек всего-навсего соседу повернулся сказать, что я от них хочу. С тех пор любопытный стал.

— Я вам, господин лейтенант, хозяин этому концу или ещё кого пришлют? — спросили с берега.

У тумбы стоял человек лет сорока. Одна босая нога у него была совсем белая, другая до щиколотки заляпана чёрной глиной. Обмыться перед приходом сюда он успел только наполовину.

— Ты на берегу оставайся. Мне через минуту покажешь, как вы с боцманом отпускаете судно. Для пробы возьмём свободную верёвку. Те, которыми держится судно, не трогать. Машине хода не давать. Иван, у штурвала?

Круглолицый Буров обернулся.

— Здесь, ваше благородие.

— Если мы отходим, чего ты от меня ждёшь?

— Куда руль положить. Пока ничего не велите, значит, стою.

— Про машину услышишь?

— Наверное. Крутить-то от этого мне что?

Он поглядел на Дениса поверх спиц.

— Вот и стой. Димо, ты где будешь?

— Уж вы дайте мне такое место, чтобы и берег видеть, и рулевому его не заслонять. Можно тут, подле вас? Если мель окажется там, где вчера было глубоко, сперва скажу вам, а уж после стану удивляться.

Гаврилов стал у машинного люка. Под навесом вовсю визжали плотницкие пилы, и когда Шилов внизу велел Юдину отодвинуть сапог от кружки, на мостик донёсся один сердитый конец фразы. Гаврилов сам нашёл место, откуда слышал и капитана наверху, и машиниста внизу.

Начали. Димо сказал про воду у берега, с машины ответили, что готовы. Береговой заметил, что ступил в петлю, и молча переставил ногу за тумбу. Лаптев доложил с кормы, что люди у концов и берег готов. В просвет между кожухом и носом баржи видно было, как Карпов подтянул провисшую верёвку. Остальное на палубу было не выбрать: береговой ждал у тумбы. Буров возле Дениса тоже ждал.

— Прохор Егорович, мы так долго стоять будем?

— Покамест берег отдаст. — Лаптев вышел к колесу. — Он у меня там уже сколько стоит!

— Да я и перед обедом стоял, — отозвался рабочий. — Сейчас чего, отдать?

— А ты как думал?

— Думал, вы мне крикнете: «Теперь кидай!» У нас на столбе сучки, я же и зацеплял, я же и скидывал, когда велят. Без спросу кто с живого парохода отдаёт?

— Вот! А на судне приходит человек к своему концу, он уж знает, для чего пришёл.

Боцман с досадой взялся за верёвку, натянутую от борта к берегу. Денис видел с мостика, как они сердиты, и обоих хорошо понимал. Впору их сейчас отпустить, пусть поедят вместе, потом вернутся. У того, с берега, и лук, видать, был. Пока они стояли, даже собака уселась у его ноги дожидаться обеда.

— Что если я тебе сам прикажу бросать? — окликнул Денис рабочего.

— Прикажете, я сброшу. Как не сбросить? А ежели в это время Прохор Егорович видит, что рано, и велит держать? Он-то ко мне ближе.

— Верно. Значит, один человек говорит с берегом. Это вы, Прохор Егорович. Слышишь его «отдай» — снимаешь с тумбы. Когда сойдёт весь, ему же и крикнешь. А мне, боцман, нужно знать, что на берегу свободно и на палубе конец подобран.

— Так и доложу, что борт чист. Вчера я с баржевыми говорил, они меня знают. А этот с берега впервые пришёл. Эй, слушай, как ты мне ответишь? С кормы тебя не видно.

— Так я сюда подойду.

— А кто при конце останется? Стой возле тумбы. Голос у тебя есть?

— Есть!

Собака убежала. Лаптев потёр переносицу.

— Погоди-ка, ведь за тобой там ещё люди будут. Я скажу «отдай», у меня ещё трое чужих свои концы поснимают. Звать как?

— Илья.

— Так вот, Илья, сначала я тебя окликну, ты повернись. Тогда скажу. Карпов, стой на своём месте, пусть опять положит. Ещё раз попробуем, ваше благородие. Я уж с ними дойду до конца.

На второй пробе штурвал стоял неподвижно. У дальнего навеса ударили молотком в железное кольцо и заглушили первое слово Лаптева. Тот окликнул человека ещё раз.

— Илья!

Илья обернулся. Больше никто на всём берегу даже головы не поднял. Лаптев оглядел их с видимым удовольствием.

— Отдай береговой!

Петля сошла с тумбы, рабочий проводил её глазами.

— Отошёл! — крикнул он на весь Дунай.

Карпов втащил верёвку на палубу. Лаптев доложил с кормы:

— Борт чист, ваше благородие!

— Буров, можно отходить. Руль не трогай, мы закончили.

Буров отпустил спицу и сошёл с мостика. У машинного люка Денис услышал, как Шилов деликатно спрашивает у Гаврилова, долго ли тот ещё намерен сушить шляпу над его головой.

Денис написал Ярцеву, сколько груза просит и между какими двумя местами они с Шиловым берутся его провести. К тому времени, как с запиской ушли на берег, Димо уже поставил лодку у поста. За бортом у тумбы Лаптев перевернул старое ведро и сел. Илья опустился рядом на корточки, вынул из-за пазухи кулёчек с печёной луковицей и отдал боцману половину.

* * *

После ужина Денису дали краюху хлеба на ночь. Сбоку на ней вырос чудной маленький хлебец, точь-в-точь такой же формы, как большой. Денис положил краюху на стол, маленькой горбушкой к свету, чтобы вышла на снимке во всей красе, и полез в карман за телефоном.

Пустые пальцы зацепились за нитку подкладки. Он её оторвал. Бумага Ярцева лежала раскрытая на столе. Зачем-то сложил её аккуратно вчетверо. Лиза съела бы маленькую горбушку отдельно. У неё это было с детского сада, даже баранку сперва как-нибудь расколоть, чтобы чай был с баранкой и ещё ломтик оставался после чая.

Он съел её горбушку. Хлеб был замечательный, чуть кисловатый, всё ещё тёплый. Запивать его пришлось водой из кружки, от которой пахло жестью.

За окном было ещё светло. Денис лёг на койку и стал смотреть в узкий просвет, где из каюты можно было различить небо. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь приходил. Когда на верхней ступеньке показались сапоги Лаптева, ему не захотелось, чтобы тот ушёл.

— Позволите, ваше благородие?

Боцман уселся на ступеньке, сложил руки на колене.

— От Ярцева передали, утром дозволяет выходить на пробу, как вы просили. Зерно дадут, малость. Когда людей поднимать?

— Пусть выспятся. Позавтракают и к Нижнему сходу. Прежде чем брать зерно, посмотрим, как починили сходни.

— Не нынче, стало быть?

— А что?

— Ничего. Ефим Лукич прислал спросить, можно ли ему снимать сапоги.

— Можно, Прохор Егорович. И тебе тоже.

Лаптев помолчал.

— Не стану я ему говорить про сапоги. Скажу, отдыхай до утра.

Денис слышал, как заскрипели ступеньки, как тяжёлые шаги Лаптева замерли у открытого люка. До каюты донёсся его негромкий голос:

— Снимай, Ефим Лукич.

Глава 3. Пробный ход

Седых узнал тележку.

— Это та самая, господин лейтенант. На правом колесе спица тёмная. Я тут стоял и думал, с которым сапогом проститься, если она покатится. С правым или с левым.

Он поставил тележку так, что тёмная спица глянула вверх. Старику, подле которого Денис остановился у Нижнего схода, эта примета пришлась не по душе.

— Трёх бы им надобно было привезти, что ли, чтобы ты выбрал? Ты мне на сходни-то погляди.

Старик был в чистой рубахе, за поясом торчал складной аршин. Он, видно, давно стоял тут и ждал случая показать свою работу. А ему про спицу. Денис присел, старик опустился рядом. На новом месте подрубленные концы брёвен стояли на твёрдой земле. Там, где двое суток назад просела земля, в яме уже стояла бурая вода.

— Нынче будет стоять, — сказал старик. — А поднимется вода, так на то глаза даны. Тут, где сухо, поднимайтесь, лейтенант.

Он протянул Денису аршин. Всерьёз надеялся вытащить его из-под мостков за тонкую складную палочку. Денис взялся, и вдвоём они прекрасно поднялись. Долин утром осмотрел ему плечо и на короткий выход отпустил.

Сперва по исправленным сходням прокатили пустую тележку. Карпов и Гаврилов верёвкой тянули её к себе на баржу. Другой верёвкой рабочие придерживали тележку с берега. На самих сходнях людей не было. Во второй раз в тележку положили девять двухпудовых мешков овса, без малого триста килограммов.

Под грузом колёса тяжело заскрипели на середине настила. Лаптев рядом с Денисом поднял брови. Тележка миновала новую опору и выкатилась на баржу. Седых нагнулся и выдернул щепку, застрявшую у оси колеса. Обратно тележка шла тихо.

— Ну? — спросил старик.

— Открывайте. По восемнадцать пудов разом можете подавать. Люди отдельно.

По доскам с баржи прошёл Седых. Оглядел, как лежат головки гвоздей, провёл по стойке ладонью. Старика он тронул за локоть и по дороге вверх стал ему что-то рассказывать о рубанке. Денис проводил их взглядом. На рубахе у Седых, точно там, где он её позавчера порвал, розовел аккуратный шов.

От воды у колёсного кожуха окликнул Дениса Димо. Сначала перекинул наверх ручной лот в мотке мокрой верёвки, потом сам вылез из лодки и принялся искать, обо что вытереть руки. Из кармана он вынул чистый платок, подумал, убрал обратно.

— У правого спуска береговые ждут. Пока там был, прошёл и до поворота. Вам хватит воды. Левее своей вчерашней дороги немного заберём, вон ту светлую травку видите? Она с места не двинулась, а песок под ней за ночь вытянуло.

С того места, где они стояли, травка была едва видна. Денис отступил в сторону, потерял её и нашёл опять.

— На том берегу у меня дело будет, — сказал невдалеке Лебедев. — «Камышом» доеду. А там бы по воде.

Солдат показывал Димо моток снасти, которую надо было передать на правом берегу, ниже Виноградного спуска. Он привёл напарника. У того были узенькие, дочерна перепачканные кисти и маленькая родинка под нижней губой. По одежде поди разбери, чем он занимается. Но стоило кому-нибудь заслонить машинный люк, как парень делал шаг вбок, чтобы опять его видеть.

— Коля Кудряшов, — представил его Лебедев. — Оба грести умеем. Возьмём на час, Стоянов?

Димо скосил глаз на Дениса. Тот ждал, что он решит сам.

— Бери, Савва, — сказал Димо. — На правой стороне у вас сколько дела?

— Отдать да вернуться.

— Тогда я подожду у спуска. Здесь садитесь на пароход, в лодку перейдёте на том берегу. У кормового весла на ручке тряпочка намотана, не снимай.

— Мозоль набил?

— Отцу заноза попала. Дал мне иголку вынуть. Я его палец в одну сторону, в другую, пропотел весь, а она ещё глубже пошла. Сходил он тогда к матери. Та пальцем снизу поджала, она и вышла. Я им ещё тогда новое весло обещал.

На тёмной ручке виднелась обмотка, почерневшая там, где за неё брались рукой. Рассказ был, видно, давнишний. Весло оставалось прежнее.

На баржу перенесли сто двадцать два пуда овса. В привычных Денису мерах выходило две тонны. Мешки уложили низко, поровну по обе стороны прохода. Седых с Осиповым закрепили поклажу и привязали пустую лодку к корме баржи отдельной верёвкой. Лебедев с Кудряшовым перебрались со снастью на «Камыш».

Лаптев выпроводил с палубы последних любопытных. Буров подался плечом к штурвалу, Гаврилов передал, что Шилов готов. Про неисправную якорную лебёдку Денис помнил. Им хватит швартовов, с той стороны принимают.

— Илья!

Тёмная голова обернулась на оклик боцмана. Настоящий мокрый конец сошёл гораздо тише вчерашнего пробного. Денис расслышал голос Ильи, потом Карпова, и уже после них — Лаптева.

— Борт чист, ваше благородие!

На своём буксире Денис любил первые секунды хода. Глядел обычно куда-нибудь в сторону, чтобы ему не мешали чувствовать, как глубоко под подошвой просыпается палуба. И сейчас глянул в сторону.

* * *

С кожуха шлёпнулась ему под ноги капля. За первым оборотом колеса явственно отозвалась под подошвой вода. На берегу ещё говорили, а Денис уже не различал слов. Крик старика, издали что-то советовавшего Седых, достался барже.

На открытой воде он велел убавить ход. Рука сама потянулась вперёд, к привычной гладкой рукояти. На прежнем буксире Денис управлял машиной из рубки. Здесь же его пальцы чуть не задели спицу штурвала, за которую держался Буров. Денис вернул руку на поручень. Гаврилов передал команду, Шилов ответил. Из-под лопасти колеса вылетела щепка. Денис успел проводить её глазами до кормы, пока поредели удары колеса и баржа стала их нагонять. В прежней рубке он бы за это время дважды переменил ход.

— Ну и как вам наша красавица? — спросил боцман, возникнув возле мостика.

— Про кого это ты?

— Про баржу. Дожидались столько, чтобы посмотреть, как она идёт за вами, а теперь я один хожу на неё любоваться.

Лаптев подал ему короткую подзорную трубу. В стекле возник Осипов у рулевого весла. Седых помахал издали, как соседу по улице. За кормой маленькая лодка успевала два раза кивнуть, пока баржа кивала один. Мешки на своих местах. Денис вернул трубу.

— Теперь я доволен, Прохор Егорович.

— Так вы бы ему показали. Антон второй раз вам кланяется.

Денис поднял в ответ левую руку, и Седых опустил свою.

Свежий ветерок потянул от правого берега дым, пахнущий сухой лозой, а Димо без помощи трубы уже видел на спуске нужных людей. У дороги к Систову воз стоял наискось, оглобли торчали над кустами. Две лошади щипали траву у колеса. Капитан на Волге привык понимать, что куда отвёз, по названию предприятия в накладной. Здешние заказчики подняли головы на шум и стали глядеть, скоро ли им привезут обед.

Перед ними прошло грузовое судно и скрылось за выступом берега. От его кормы наискось расходились блестящие складки воды. На первой «Камыш» слегка качнуло. На кожухе звякнуло железо. Вторая дошла до берега. По белым камням у воды пробежала тёмная полоса.

— Место наше, — сказал Димо, следя за складками. — На берегу готово.

Если идти прямо к спуску, сам буксир уже окажется в спокойной воде, а баржу как раз качнёт волной. Люди с берега ещё прыгнут ей навстречу ловить конец. Они же хотят помочь.

Денис велел удержаться поодаль. Буров повернулся к нему через плечо.

— Я ещё туда успею, ваше благородие.

— Ты успеешь, Иван. А мы с Петром как? Поглядим, чего он там дождался.

Раз, другой поднялся и опустился кормовой край баржи. Маленькая лодка за ней мгновение вся исчезла за бортом, потом показалась снова. Седых стоял, широко расставив ноги. Осипов налёг на весло. Димо тихонько присвистнул. С берега им махал человек в красной рубашке, сперва ладонью к себе, потом двумя руками сразу. Он отошёл подальше, чтобы его наконец увидели. Его-то было видно изумительно.

— Гаврилов, ответь человеку, что благодарим и сейчас подойдём.

— А как?

— Помаши ему, чтоб понял, что мы его видим.

Матрос взялся за шляпу и так приветливо поклонился человеку в красном, что тот прекратил махать и тоже поклонился.

Переждав волну, Денис завёл «Камыш» пошире. Навстречу Бурову развернулась полоса дороги, баржа спокойно следовала за кормой. Денис загодя велел Шилову сбавить, дождался ответа. Когда до берега осталось рукой подать, широкая дуга колеса уже стояла над собственной тенью. Швартовы полетели на протянутые руки, по мокрым доскам прошло чьё-то лёгкое «оп!». Несколько минут спустя у Виноградного спуска стояла и баржа. Только теперь Димо подвёл лодку к сходенке.

— Коля, — сказал Димо, — ты одной ногой в лодку, а другой куда?

Кудряшов сидел враскоряку, затылком к лодочнику, и всё ещё заглядывал в машинный люк.

— Послушать хотел. Когда он ход переменял, всё слышно было.

— Нашёл когда, — сказал Димо и взял его за штанину. — Давай ко мне и вторую. Савва, снасть у тебя?

Лодка отошла от борта. Пока разгрузят овёс, гребцы вполне успеют вернуться.

Человека в красной рубахе Денис снова увидел между мешками. Первый воз уже ушёл вверх по дороге. У второго застоявшаяся лошадь протянула мягкие губы к рукаву человека, прошедшего с мешком на плече.

* * *

Осипов передал на берег последний мешок. Между досками у него под ногами застряло зёрнышко. Он на ходу подобрал его и сунул в рот. Димо всё смотрел вниз по реке.

— Привезли, — сказал он. — Отдали. Сейчас пойдут к нам.

Из-за кустов показалось весло, потом голова Лебедева и самый нос лодки. Ветер ударил Денису в щёку, у дороги рыжая пыль взлетела коню до груди. Когда лодку увидели целиком, её уже отнесло ниже того места, где Димо ждал своих гребцов. Они всё ещё пытались подняться к спуску. С каждым гребком они ниже склонялись над коленями, а лодка всё стояла против одного и того же куста.

— Коля! — крикнул Димо.

Отозвался один Савва, да и то видно было лишь, как голова повернулась. Весло у Коли выскочило из воды, рукоять отлетела ему в грудь. Он подался назад, стукнулся о скамью, снова ухватил рукоять. Нос лодки понемногу разворачивало наискось к берегу.

— Куда им можно пристать, Димо? Чтобы по силам было.

Лодочник показал на отмель перед выступом берега. Теперь там ясно виднелась светлая полоска глины.

— Туда. К тому спуску сейчас всё одно не вернутся.

Димо кашлянул, попробовал сплюнуть за борт. Во рту у него, видно, всё пересохло.

— Зачем их туда послал? Ведь мог бы сам…

— Ты мне здесь нужен. До того места «Камыш» провести можешь?

— Могу.

— Прохор Егорович, скажи береговым, куда людей принять. А у нас баржа как стоит?

— У берега привязана. От неё можно отойти.

Денис взглянул на настил. Седых смотал снятый с буксира конец. Пётр вернулся на корму, сложил расписку за зерно вчетверо и сунул за ухо.

— Отходим одни. Пётр, обождите нас здесь!

Тот кивнул. Кружок света от воды прошёлся по его лбу и исчез.

Без баржи «Камыш» взял с места так охотно, что Буров даже присел над штурвалом. Димо ухватился за стойку. Теперь ничто не заслоняло лодку. У Саввы на рубахе выступили тёмные полукружья. Коля через каждые два гребка озирался, проверял, не пропустили ли они свой берег.

— Савва! — крикнул Димо. — Оставь тот спуск! Вон туда, куда с берега люди бегут!

Лебедев крикнул что-то в ответ. Слов не расслышали, зато Кудряшов перестал озираться и вместе с напарником дал носу лодки отвернуть. Денис велел Бурову держать буксир снаружи, по свободной воде. Колесо останется в стороне от них. Поближе подойдут, боцман добросит.

Денис остановил машину. Гаврилов вернул ответ Шилова, оба колеса встали. Лаптев метнул лёгкий конец с кормы. Верёвка упала на скамейку. Кудряшов потянулся к ней и опрокинулся бы навзничь, если бы Лебедев не поймал его за пояс. Денис открыл рот, чтобы прикрикнуть. На Волге он так же открыл рот, и ударившую в лицо воду успел почувствовать даже на языке. Он сглотнул. Коля уже сидел прямо и подавал Лебедеву конец.

— В лодке сидите! — прикрикнул боцман.

Лебедев привязал верёвку и поднял обе руки, чтобы Лаптев видел: готово. С остановленного колеса капало.

— Готово, ваше благородие.

Денис дал малый ход. Лодка вздрагивала за ними, хватала носом волну, но шла куда следует. Савва держал весло плашмя, лишь изредка поправлял ход лодки. Коля сидел неподвижно, лицом к пароходу.

Люди уже спустились на полосу глины, первый увяз по щиколотку, сел задом в лужицу и, не успев встать, протянул товарищам руку. Другой взялся за нос лодки и завёл его на мель. Лодку ещё качнуло на ходу. Береговые мягко придержали её за оба борта. Вот Савва ступил на землю и подал руку Коле. Тот передал ему вёсла одно за другим, что-то сказал, судя по губам, не совсем ласковое, и сам перебрался через борт. Оба оказались на том же глинистом

пятачке, где сидел первый встречавший. Денис дождался окрика с берега, что лодку приняли. Верёвка упала в воду.

— Вот теперь забирай свой конец, Прохор Егорович.

На берегу Кудряшов наклонился к кормовому веслу и поправил тряпочку на рукояти. Димо поднял руку, чтобы тот увидел.

* * *

«Камыш» вернулся за баржей. Кудряшов с Лебедевым дошли до спуска пешком, оба в серых до колен сапогах. Димо сперва ухватил их за плечи. Потом расхохотался.

— Коля, ты там верёвку ловил или перекинуться через неё собирался? Нет, подожди, оба руки покажите.

У Саввы на ладони порвалась старая мозоль. Димо обмотал её своим чистым платком. Коля хотел было что-то спросить, но, пока собирался с духом, Шилов вылез к люку и сам его окликнул.

— Малой, чего у тебя там звякнуло на повороте, не приметил?

— Ведро, Ефим Лукич. Оно пустое за кожухом каталось. Я его после подобрал. А это вы сами так слышите?

— Ещё как. Сколько вас над моей головой топчется, я всех по шагам знаю. Ступай умойся.

Коля так и пошёл умываться, с улыбкой до ушей.

На берегу Димо сам довёл лодку к правому посту и оставил под присмотром. Когда вернулся, на «Камыше» его ждали. Теперь можно было идти домой.

На левом берегу у Нижнего схода осмотрели сходни после пробы, а к вечеру отвели пустую баржу на Тихую стоянку и привязали рядом с «Камышом». Шилов выбрался на воздух, вытер ладонью лоб. По красной щеке протянулась жирная полоса. Лаптев молча подвинулся, освобождая ему место в тени у борта.

— Довольны вы, Ефим Лукич, как мы к спуску подошли?

— Колёса встали, когда вы велели, Андрей Никитич. Ещё немного по воде прошли, сами сверху видели. Со ста двадцатью двумя пудами так и будет. Когда прибавят груза, вы мне дайте на воде столько же покоя, сколько сегодня.

— Дам. И стоянку, чтобы лебёдку исправить, будем просить у Ярцева.

— Это уж и у самого Стойки спросите. Его железо.

Ярцев поджидал их у сходенки. На расписке, под числом «18 июня», береговой вывел: «овёс принял сполна». Ярцев разгладил придавленный ухом уголок.

— Выгрузили?

— Всё принято, ваше высокоблагородие. На этом переходе я такую работу возьму.

— Ночью сегодня могли бы ещё обернуться?

— Позвольте сперва узнать, кто меня ночью на том берегу примет. Сегодня мы днём шли, оба места были готовы. На якорь с этой лебёдкой по-прежнему не стану.

— Хорошо. А мне уже приходили про вас сказать, что возите овёс и спасаете флот. Откуда у вас там флот взялся, Сафонов?

— Одна лодка, ваше высокоблагородие. И ту пришлось занимать у господина Стоянова.

Стоянов стоял возле них. Он выпрямился и поклонился. Теперь Ярцев увидел, как промокли у него рукава, осмотрел серые сапоги обоих гребцов и уже без улыбки сказал:

— Лодку целой вернули? И славно. На завтра я позвал сюда господина Стойку, владельца, и берегового начальника. Вот они и должны слышать то, что вы мне сейчас сказали. Людей отпустите. Как плечо?

— Всё-таки я его как-то ухитрился натрудить.

Ярцев отправился к береговым. Денис отпустил людей поужинать и спустился в каюту. Плечо ныло. Он расстегнул нижние пуговицы кителя и здоровой рукой кое-как стянул рукав с больного плеча. Оставшись в рубахе, посидел минуту в тишине. Сегодня он больше часа стоял среди реки и только однажды подумал о том, как утонул.

— Господин лейтенант, — донеслось сверху, — вам кашу спустить?

Денис встал с койки. Наверху уже двигали ящик, освобождали ему место.

— Я наверх, — сказал он.

Глава 4. Договориться с берегом

— Кто остановит пароход? — спросил Димо.

Денис посмотрел на колёса. Оба стояли. Судя по мирному виду Лаптева, на «Камыше» ещё и ходить-то никуда не собирались.

— Это господин Стойка спрашивает, — объяснил Димо. — Если машине потребуется отдых, а на берегу скажут, что надо идти. Кто у вас может сказать «хватит»?

Хозяин «Камыша» стоял рядом, держась двумя пальцами за край кожуха. Невысокий человек с короткой седой бородой. По сходням он спустился, даже не глянув под ноги. А перед тем как поздороваться, приметил, что Денис бережёт правую руку, и подал левую. Денису он уже нравился.

— Я остановлю. Капитан за это отвечает.

Выслушав перевод, Стойка посмотрел на берег, где под навесом Ярцев разговаривал с писарем.

— А если он скажет идти?

— Вот его самого и спросим. Ваше высокоблагородие!

Ярцев отпустил писаря и сошёл к ним по узкой доске, не вынимая рук из-за спины. Шилов выглянул из машины. Лаптев тоже глаз не сводил с начальственных ног.

— Смотр закончен? Ну, излагайте.

— Господин Стойка спрашивает, хватит ли моего слова, чтобы отменить выход, если Шилов попросит время на ремонт. Берег ждать не любит.

— Какое удивительное совпадение, — сказал Ярцев. — Я тоже.

Он прислонился к кожуху. Стойка с лёгким сожалением посмотрел на его белые брюки.

— У меня тут к вечеру мост откроют, — сказал Ярцев. — И уже известно, какие обозы туда хлынут. Не поведу я за ними человека с тремя тюками белья. А если доктору надо четверых лежачих перевезти, он что, будет с пехотным полком очередью меняться? Для таких дел мне и нужен ваш «Камыш». Только я не могу за каждым тюком к вам человека посылать, годится ли нынче пароход.

Стойка выслушал перевод, вынул из кармана плоский кошелёк. С той стороны, где водились деньги, он его даже не открыл. Из другого отделения достал бумагу о прежнем найме, до дыр протёртую на сгибах.

— Когда вы здесь кончите, — передал Димо, — мне всё ещё нужен пароход. У меня с него люди живут. Что вы станете менять без меня?

— Прежде покажем, что мы успели сделать, — сказал Денис. — Ефим Лукич, расскажи хозяину.

Шилов сам повёл Стойку к насосу, показал соединение, которое до пробы подсасывало воздух. Про пеньку Стойка разобрал и без Димо, остальное выслушал в переводе. Потом хозяин потянулся было к ручке якорной лебёдки. Машинист осторожно повернул её сам.

— Вот эта пока вас не порадует. Слышите, как щёлкает? Кажется, бери да работай. А собачка у неё стёрта. Под якорем я ей не верю.

Стойка нагнулся, провёл ногтем по стёртому краю защёлки. Поцокал языком, руку вытер о штаны, сложил бумагу.

— Отказывает? — негромко спросил Денис.

— С чего вы взяли? — сказал Димо. — Он вас слушает.

Действительно, слушал. Бережно прижимал бумагу к кошельку, чтобы не унесло ветром.

— Вчера проверили машину на ходу. Возьму одну баржу от Нижнего схода к Виноградному, обратно тем же путём. Там есть где встать без якоря. Ефиму Лукичу между рейсами

нужно время заглянуть в машину. А вот пришлют мне с берега приказ идти выше по реке, как тогда?

— Доложите мне, — сказал Ярцев. — Я откажу. А если прямо под вами что-нибудь разболтается, Сафонов сам велит стать, за моим разрешением пароходу ходить незачем. Вот это передайте ему точно, Стоянов.

Стойка выслушал, глядя Ярцеву в лицо. Потом они с Димо говорили довольно долго. Денису показалось, что торг наконец дошёл до денег. Хозяин кивнул на машиниста.

— Он отдаёт пароход с машинистом и его помощником. Обыкновенную починку — хоть нынче. Новую собачку для лебёдки пусть ваш кузнец выкует по старой. А если военные захотят для удобства пропилить в палубе ещё одну хорошую дырку, господин лейтенант пошлёт за ним прежде, чем возьмётся за пилу.

— Вот тут полное наше согласие, — сказал Шилов от машины.

О плате сошлись скоро. Уголь и снасти брала на себя казна, она же платила назначенным рабочим. Пароход оставался Стойкин, на службе — до окончания этой работы у двух сходов, а дальше, как хозяин сказал по-русски, «опять говорить». Димо прочёл ему написанное, хозяин расписался, подсушил свою бумагу на ветерке и прибрал в отделение к прежней. На прощание он пожал Денису левую руку, а Ярцеву — правую.

— Свозите теперь штабс-капитана Ремизова на ту сторону, Сафонов. Баржу берите порожняком. Покажете друг другу, где вас будут встречать. С грузом до вашего возвращения подожду.

* * *

У Виноградного спуска береговой держал над головой светлый флажок, как и было условлено. Димо показал Бурову вчерашний заход. На последнюю команду Дениса Шилов ответил из люка, что машина остановлена. Сверху за ними наблюдала пара лошадиных ушей. Пока ставили порожнюю баржу, уши повернулись сперва вправо, потом влево и, наконец, разошлись во мнениях.

Ремизов повёл Дениса по спуску. Худой, на носу детские веснушки, а сапоги выдавали человека, который с утра уже обошёл оба берега. До подъёма с ним надо было шагать широко, на подъёме — ещё шире.

— Ваши сходят вот сюда. От воды дорога одна. За поворотом пошире, там очередь ждёт, а с грузом подвода уходит в город верхней дорогой. Дальше вам с парохода всё равно не видно, там уж извольте мне поверить, господин лейтенант.

— Вам верю, Александр Данилович. Только покажите, куда дальше несут тех, кто сам идти не может.

— А вам тоже туда?

— Я тут человек новый, мне даже любопытно, кому их сдавать.

За поворотом стояла костлявая кобыла с синей бахромой от мух на лбу. У телеги возчик ел из миски. Чуть дальше двое рабочих уговаривали женщину принять бельё. Они нагрузили ручную тележку целым стогом и придерживали его с боков. Женщина в белой косынке попросила обоих отпустить бельё. Стог накренился. Они подхватили его разом и поглядели на неё с укором.

— Ну вот, а вы мне предлагаете одной. Снимите половину, отвезите во двор, потом остальное. У двора мне и двое помощников для носилок обещаны.

— А я будто не пришёл, Елена Михайловна? — сказал Ремизов.

— Вижу, что пришли. Где двое?

Штабс-капитан оглянулся на Дениса. Женщина тоже на него глянула. Он постарался принять вид офицера, которого сюда не для этого привели.

— Это командир парохода. Господин лейтенант Сафонов. Андрей Никитич, это Елена Михайловна Коренева, сестра милосердия у доктора Долина. Какие остались ко мне претензии, кроме людей?

— Дайте мне до них дойти.

Денис подумал, что это она про носильщиков, которых ей ещё не дали. Она попросила его встать на дорогу рядом с телегой. Сама сошла к реке шагов на десять, повернулась и поднялась навстречу. Когда они поравнялись, Денис посторонился и обнаружил у себя под мышкой тёплую лошадиную морду. Он оглянулся. Кобыла вынула голову из-под его локтя и сунула обратно в торбу.

— А я ещё узкая, — сказала Коренева. — А представьте между нами носилки. И Платонову здесь же идти обратно за следующими. У кого, Александр Данилович, по-вашему, лишний бок? Вон до той шелковицы мне бы дорожку посвободнее, а дальше уже мои. Дадите?

На земле под шелковицей чернели ягоды. В тени было хорошо, пахло сладко и с воды хоть изредка тянуло. Другой край дороги лежал на солнце, на вид там свободно прошла бы целая рота.

— И так проведём, — решил Ремизов. — На минуту подводу придержать нетрудно. А вы, сестра, уже хотите, чтоб я ради ваших носилок улицу мостил.

— Я хочу, чтобы Власов с Крыловым могли поднять ручки и идти. И оба знали, какие люди в конце придут им на смену. Вы же мне который раз говорите «на минуту».

На Волге Денис однажды закончил рейс в четырнадцать тридцать. Имелась бумага с этим прекрасным временем. Заказчик уехал, а грузчики ещё два часа сидели на корточках за складскими воротами. Кто-то свалил у ворот трубы и запер ими обе створки. К концу второго часа Денис мог наизусть рассказать, у кого из сидевших почему пропал выходной.

— Елена Михайловна, а вы можете дать нам носилки? Одни пустые. И своих людей, которым принимать. Дойдём сейчас до них сами. Если мы с вами ошиблись — я Александру Даниловичу при свидетелях скажу, что он прав.

Она посмотрела на него внимательно. Тёмные брови, короткая складочка у рта, из-за которой всякое её слово как будто обещало выйти с насмешкой. А говорила вполне серьёзно.

— Мои у двора. Значит, вы пройдёте со мной до двора?

— А он далеко?

— Очень далеко, если не собирались идти. А так — вон те ворота за поворотом.

— Пойдём. Александр Данилович, дайте нам двоих от баржи до этих ворот.

— На пустые носилки двух здоровых мужиков, ещё двое на смену, вы оба, да мне идти смотреть. Я уже жалею, что здесь ни у кого ножку не натёрло. Хоть кого-нибудь свезли бы с пользой.

Ремизов послал двоих солдат к воротам, а нести от баржи поручил тем, кто возил бельё. Коренева вынесла пустые носилки. На баржу пошли гуськом по тому же проходу, сложенные носилки один рабочий нёс на плече.

* * *

На краю баржи их поджидал Лаптев. Осипов проверил швартовы, а Седых помог развернуть носилки и замер с ними посреди настила. Рабочие терпеливо ждали, пока он выберет для носилок место почище. Вчерашнего зерна намели здесь изо всех щелей порядочно, а вот масло с досок веником не сгонишь.

— Антон, отчего ты их на руках держишь?

— Они чистые, господин лейтенант.

По краю холста шли два рядка частых стежков. Видно, прежнюю прореху тут долго и сердито зашивали.

— Да ставьте, — сказала сестра. — Им ещё на земле стоять.

Взяла носилки с ближнего конца и поставила на ножки. Холст остался на весу. Седых оглянулся, много ли с «Камыша» народу на него смотрело. Рабочие взяли носилки. С берега Денис услышал: «Готово!» — и обернулся к Лаптеву. Боцман склонил голову набок, прислушался.

— Это они подводу нагрузили, Андрей Никитич. У меня палуба чиста, сходни лежат. А с того конца нам ещё не отвечали.

Посланный Ремизовым солдат вернулся из-за склона: у ворот ждут. Теперь Лаптев пропустил носилки на сходни. Коренева пошла сзади. Денис кое-как удержался, чтобы не взяться за заднюю ручку. Донесут его самого до двора и сдадут доктору на радость.

На прямом куске до поворота никто им не мешал. Передний носильщик шагал, подняв лицо, задний поглядывал на сапоги товарища. У шелковицы на дорожку между ними и двором медленно, точно по заказу, выдвинулась задом телега.

— Погоди минуту! — крикнул Ремизов.

Послушались все. Лошадь осталась головой к подъёму, подводчик замер у колеса, двое с носилками чуть в него не уткнулись. Сверху спускался один из тех, кого Коренева оставила у ворот. Она попросила его пройти к воде, как будто он уже отдал одни носилки и идёт за следующими. Он протиснулся боком между колесом телеги и носилками.

— С пустыми руками-то пролезешь! — обиделся задний носильщик.

— А у вас кто? — спросил рабочий.

— У меня человек лежит.

Он так это сказал, что Денис поневоле посмотрел на пустой холст. Ремизов шагнул к нему и взялся за задние ручки. Коренева подняла спелую тутовую ягоду, положила посередине носилок.

— Вот вам самый лёгкий из моих больных, Александр Данилович. Попробуйте боком.

Передний рабочий попробовал. На первом же уклоне ягода скатилась на край холста. Штабс-капитан поймал её рукавом, остановил носильщиков и довольно долго глядел на большое лиловое пятно у обшлага.

— Можно на полчаса отставить все подводы, — предложил он. — Неужто вам не хватит?

— На этот раз хватит. В другой раз придём на четверть часа позже, должно быть, тоже нас простят. А если к вам придёт кто-нибудь с вашим же разрешением ехать?

— У вас из-за одного воза обе стороны встали, — сказал Денис. — Можно очередь оставить за перегибом, пусть спускаются, когда их окликнут. Кто уже отнёс — обратно с пустыми руками здесь, возле тележек. Только возчик всё равно подаёт назад через нашу дорожку. Димо, спроси его: может он свернуть на верхнюю дорогу с другого бока?

Возчик выслушал, подошёл к лошади и сунул руку под хомут. Позвал к себе Димо, посоветовались. Потом возчик начертил носком в пыли кривую, и то, что занимало у двух офицеров столько времени, поместилось под одним сапогом.

— Он говорит, раз подводы будут ждать за поворотом, пусть ему там оставят ровное место для разворота. Старой кобыле хомут натёр левое плечо, в гору пятиться ей тяжело. А тут он развернётся налегке. Когда его позовут под груз, у него лошадь будет уже головой к выходу.

— Пусть показывает, — сказал Ремизов. — Таким манером и следующим будет удобнее.

Возчик провёл кобылу за поворот, развернулся на ровном и выехал наверх. Лошади ни разу не пришлось пятиться. Оба носильщика всё это время стояли на дорожке, где их оставили, и телега их даже ступицей не задела. Ремизов прошёл следом и остановился на повороте.

Оттуда ему были видны сразу и очередь, и подход к воде. Одного солдата он поставил возле себя, другого послал к причалу, на виду у первого.

— Пусть вам снизу навстречу не лезут, пока он не позовёт. Попробуете ещё?

— Отсюда? — спросил передний.

— С баржи, — сказал Денис.

— Ну с баржи, так с баржи.

Денис поглядел на рукав Ремизова. Штабс-капитан поглядел тоже.

— Жена рубашку прислала, — сказал он. — Хорошо ещё, никто ей не напишет, чем я на войне занят.

На этот раз из-за поворота судну ответили сразу. От баржи пошли обычным шагом. Возница свернул к верхней дороге, солдат придержал ожидающих в тени. Со двора по краю колеи спускались люди за следующими носилками. Одна пара миновала другую у шелковицы, и задний рабочий, готовый сердиться за своего воображаемого раненого, шагу не сбился.

У ворот под навесом ждали двое от Ремизова и Платонов. Сестра пропустила носилки вперёд. Солдаты взялись за ручки, Платонов распахнул створку до самой стены, и Денис наконец увидел двор, стол с тазом под навесом и чистую лавку для носилок.

— Отпускайте, — сказала Коренева, когда смена взялась. — Я приняла.

Носилки исчезли в воротах. Освободившиеся рабочие пошли вниз, в тень за перегибом, по краю дорожки, который сами же выбрали. На ходу старший снял картуз и обмахнулся, потом махнул и на товарища. Оба, ничего не неся, по привычке держали шаг.

— Значит, так же и в обратную сторону? — спросила она. — Когда мне велят посылать своих к вам.

— Если левый берег не ответил, то и у вас никто на баржу не пойдёт. Не понесёте, пока не позовём. А здесь, у ворот, я без вашего слова людей не отпущу.

— Так что мне тогда передать Петру Алексеевичу? Что вы на левом берегу от воды до подвод тоже пешком пройдёте?

— Передайте. Хорошо, что пароход поперёк реки ходит. А если бы до самого Чёрного моря?

Тут она рассмеялась, и складка возле рта пропала. Платонов позвал её со двора. Она кивнула на прощание и пошла к своим. Денису вдруг сделалось жаль, что до ворот всего-то и было триста шагов.

Внизу Лаптев сам переспросил Ремизова, кто от сестры принесёт весть к причалу. Остался доволен, увидев, что солдаты друг друга знают по именам.

— А не придёт весть, тут и держу, — сказал он. — У меня сходни могут лежать хоть до вечера. Зла не делают.

* * *

Димо свернул выше спуска, к своей лодке, за которой присматривали береговые. Денис пошёл с ним. В лодке на дне покоилась чужая соломенная шляпа. Димо поднял её двумя пальцами, дождался, пока из неё вылетит оса, и положил на берег.

— Андрей Никитич, сходим как-нибудь отсюда в город? Я вам покажу дорогу покороче. Мне только ящик надо сперва сюда привезти.

Димо стоял спиной к пароходу. Денис едва его расслышал.

— Какой у тебя ящик?

— У вас в Тихой стоянке под навесом. Его знают, с тёртой ручкой. Отцовские инструменты. Отец у меня книги переплетает. Есть люди, которые ему принесут работу, ежели у него дома будет чем работать.

— А ты почему его тогда на ту сторону повёз?

— Отец боялся, что разграбят. А я уже через реку ходил. Он мне тогда всё отдал. Теперь хочет обратно.

— Конечно, хочет, если заказчики пришли.

— Да я не про ящик.

Димо поправил верёвку, которой была привязана лодка. Они ещё долго молчали, хотя с лодкой уже всё было в порядке.

— Меня он домой хочет, — договорил Димо. — Георги Стоянов. Живёт здесь, в Систове, от спуска минут двадцать. Оба дотащим легко, а там уж я отдам. Вас познакомлю, если пойдёте.

— Когда пойдём сюда днём и разрешат взять твоё добро, захватим ящик. Только бы место нашлось. А после службы вдвоём отнесём его к отцу. Договорились?

— Мне ничего другого покамест не надо, Андрей Никитич. А отца послушайте, когда придём. Только если он вам на меня жаловаться станет, погодите ему отвечать. Всё равно, кроме меня, переводить будет некому.

Денис улыбнулся. Хорошо ещё, удержался и не сказал, что отец, конечно, скучает. Для такого замечания им третьего как раз не хватало.

Димо подал знак береговому, что лодка остаётся, и они двинулись к «Камышу». У трапа он поинтересовался уже во весь голос, будет ли господин лейтенант обедать до возвращения или это вовсе нигде не предусмотрено. Тут их быстро окружили заинтересованные лица.

* * *

Порожняя баржа вернулась к Тихой стоянке ещё засветло. Ярцев сидел над бумагами на сложенной вчетверо парусине. Значит, уже довелось взглянуть на свои брюки сзади.

Денис записал в книжку: «Проход от баржи до медицинского двора испытан. Сестра Коренева приняла носилки у ворот». Ремизов подписался рядом, подал книжку Ярцеву.

— Завтра подадите к Нижнему сходу баржу. Двести сорок четыре пуда фуража в мешках, к Виноградному спуску. Там примут?

— Мои примут, — сказал Ремизов. — Сегодня предупредил, когда были там. Флажок покажут тот, который мы с господином лейтенантом вместе видели. Слева у погрузки буду сам.

Штабс-капитан подозвал унтер-офицера. То был Денисов из берегового караула, с короткими, выгоревшими на концах усами. Он взял под козырёк и первым делом спросил, от кого ждать вести, что на той стороне покончили с грузом.

— От меня, Денисов. У погрузки шесть караульных, — пояснил Ремизов Денису. — Лебедев с пятью рабочими встретит баржу. Будет вам и кому подать, и кому носить. Во сколько подадите баржу?

На Волге в такую ведомость записали бы четыре тонны.

— К шести подам. Мешки на месте будут?

— Первые мешки будут, за остальными ходить вас не пошлю.

Ярцев вынул распоряжение. «Между Нижним сходом и Виноградным спуском». Всего три дня назад, с чужой фуражкой в руке, Денис силился припомнить, на каком берегу который город. А теперь знал даже, с какой стороны у Виноградного спуска надо подходить к старой лошади. Снизу стояло «19 июня 1877 года».

— Бумагу возьмите, Андрей Никитич. Что вы на неё любуетесь?

— Читаю, ваше высокоблагородие. Завтра к шести у Нижнего схода. Оттуда фураж — к Виноградному.

Лаптев ногтем прижал уголок, пока Денис складывал поручение одной рукой. Распрощались с начальством, пошли к пароходу. С кухни за навесом тяжело тянуло разваренным горохом.

— Поднимем людей в пятом часу, Прохор Егорович. Пусть успеют поесть.

— Разбужу, Андрей Никитич. А раз уж вы заговорили насчёт еды, сейчас тоже пойдёмте.

— Мы же обедали.

— Так ведь это было там, — сказал Лаптев, показывая на правый берег. — А ужинают у нас здесь.

Глава 5. Баржу не отдавать

Первый настоящий рейс «Камыша» начался с того, что Седых пришил свои штаны к мешку овса.

Случилось это на глазах у капитана. У самого борта мешок зацепился за доску. Посыпался овёс. Антон прижал дыру коленом и попросил иголку. Савва Лебедев дал ему свою. Седых сделал три славных крепких стежка и попробовал встать. Мешок встал вместе с ним.

— На том берегу распорют, — сказал с «Камыша» Лаптев. — Сдашься им по весу.

Антон оглядел шитьё. Пётр Осипов подставил ему плечо, заслонив от боцмана, и помог высвободиться. Оба были совершенно серьёзны. С хорошим товарищем можно было и штаны пришить к мешку. Смеяться он начнёт потом, когда ты уже стоишь на обеих ногах.

— Савва, твоя игла у меня, — крикнул Антон.

— Вернёшь, — ответил Лебедев. Ему на берег уже подали другой мешок.

К правому берегу можно было идти. С Виноградного спуска дали знать, что подводы пришли, место у воды свободно. Накануне они прошли там весь путь от баржи за пустыми носилками. К самому концу подъёма Денис запыхался, хотя ему даже не дали взяться за ручку. Сегодня дело было проще. Лошадь, которая съест этот овёс, могла и подождать, пока к ней поднимут мешок. И объяснять ей, отчего погрузка начинается со штанов, господину офицеру не придётся.

Он стоял рядом с Буровым. Ветер трепал край его расстёгнутого ворота и загонял за ухо волосы. Хороший был день для судна, на котором успели потолковать друг с другом прежде, чем пошла работа. Буров держал штурвал, у колёс ещё было тихо. Шилов снизу спросил один раз, скоро ли, и получил ответ боцмана, а не чужое мнение о том, сколько помещается овса на барже. Димо поднялся к Денису на мостик. С пальцев у него капала вода.

— Ты всё его щупаешь, — сказал Денис.

— Рука грязная.

Димо вытер ладонь о штаны, поглядел на капитана и стал ждать, не последует ли ещё одного умного вопроса.

Внизу у сходней работало шестеро. Лебедев был за старшего. Больше всего хлопот было со сходнями: люди с мешками так и норовили встретиться посередине с теми, кто шёл обратно налегке. У каждого находилась какая-нибудь весьма уважительная причина остановиться как раз поперёк дороги. Савва выслушивал их уже на земле, отведя человека за рукав. Знакомые уши краснели под солнцем. Денис помнил их лучше, чем имя и отчество кое-какого своего начальства на той и на этой реке.

Баржа под грузом сидела ровно. От «Камыша» видна была её ближняя стенка и Петрова рубаха, белая от овсяной пыли. Боцман ушёл на корму. По берегу прошёл Ремизов с караульными. Окликнул кого-то на дороге и исчез за навесом. В первый день на карте у Ярцева вся эта возня свободно уместилась бы под донышком жестяной кружки.

С берега донеслось:

— Савва, эти-то тоже?

— Пускай постоят там. Там, говорю!

Потом Савва резко повернул голову к воде. Он стоял с мешком на плече. Денис хорошо запомнил это движение, потому что сначала увидел его и только потом услышал выстрел. Пётр пригнулся. Седых сел прямо на мешок, который недавно зашивал. Со стороны реки показалась низкая тёмная лодка, в ней — рука на борту, белый рукав, чьё-то поднявшееся по пояс тело. Ещё выстрелили. По железу звонко стукнуло, будто уронили ложку на пустую тарелку. Димо оказался рядом с Буровым.

У сходней один рабочий всё ещё подставлял плечо под мешок.

— Брось мешок! — крикнул Денис. — Савва, всех на берег!

Рабочий послушно сбросил мешок с плеча и тут же поймал, чтобы овёс не просыпался. Ему помог Лебедев. Взял из рук, положил где пришлось и подтолкнул хозяина. Остальные мешки остались лежать у воды. Подбежал Ремизов. Денис увидел, как Савва пропустил перед собой ещё двоих, задел голенью острый край доски и вдруг сел.

Лебедев повернул к себе ногу, левой рукой зажал штанину. Сидел и глядел на руку с величайшим удивлением, точно все уже давно знали, что Савву на этом месте чем-то зацепит, и почему-то забыли сказать ему одному. Над ним остановился человек, которому он только что помог бросить мешок.

— Бери его с собой! — крикнул Денис.

Тот и без подсказки уже подставлял спину. Ещё один подхватил Савву под локоть. На спине у товарища Савва ехать не пожелал бы. А с этими двумя под руки сам пошёл. Денис видел, как над спуском мелькнули знакомые уши, затем троих сразу заслонил береговой навес.

«Камыш» качнуло. На барже с хлопком лопнул державший её у берега швартов. Оборванная верёвка шлёпнулась в воду. Между баржей и буксиром показалась полоска воды — в ладонь шириной, потом в сапог. Дальше Денис уже не мерил. Там, где Пётр только что стоял над водой, уже виднелся голый ободранный брус.

— Сходни пусты? — спросил Денис.

— Пусты, — ответил боцман. Он нагнулся и почти скрылся за кожухом колеса, помогая кому-то внизу. Рук его Денис не видел. — Здесь у меня оба. Целы.

Это значило — Осипов и Седых. Сейчас от него ждали, что делать с баржей. Денис смотрел выше на берег. Ему не хватало одного из шестерых. Он бы потом тысячу раз мог себе объяснить, что времени не было, что за сохранность судна отвечает капитан, а за берег Ремизов. Но будь там ещё хоть один человек, Денис не смог бы уйти.

Ремизов выходил из-за навеса задом, пропуская прочих мимо себя. Он обернулся к буксиру. Их разделяли теперь пустые сходни и узкая полоса воды.

— Все со мной, лейтенант! Шесть человек. Ногу ему перевяжут, иди!

— А седьмой кто? — спросил Денис, потому что увидел ещё чью-то фуражку.

— Я седьмой, — сказал Ремизов и снял фуражку, чтобы уж всё прояснить окончательно.

Судьба распорядилась довольно удачно, поставив к береговой работе человека, который в такую минуту сообразил снять фуражку. Одного взгляда на его стриженую голову Денису хватило. Теперь можно было заняться баржей.

* * *

Она уходила от них боком. Денис до сих пор никогда не думал, какой беззащитной кажется старая баржа, когда двое, оставшиеся на ней, глядят на капитана снизу вверх, а между ними с каждым мгновением всё больше воды. А оставить её имелись все основания. Даже начальник, пожалуй, расспросил бы только, сняты ли люди. А на Нижнем сходе завтра начнут класть мешки на землю. Послезавтра принесут носилки. Где положили, там они и останутся.

— Прохор Егорович! На берегу все шестеро у Ремизова. А на барже как?

Лаптев показался из-за кожуха. Шапки на нём не было. Левую бровь он морщил, будто ему в глаз налетело пыли.

— Осипов на носу баржи. Антон с ним. С борта щепки летят, оба держатся. Был там ещё один, в воде, за баржу цеплялся. Где он теперь — не вижу.

Снизу по течению слышно было, как кричат на чужом языке. Тёмная лодка пропала за бортом баржи. Денис оплошал бы, вздумай он разгадать сейчас, чего хотел человек, который

поднялся в ней в полный рост. Ему со своего места не видно было даже, встал ли тот сам или товарищи помогли. Он глядел на Петра. Пётр, видно, тоже смотрел на него: стоило Денису махнуть здоровой рукой, как тот поднял в ответ обе ладони, пустые, раскрытые. Будто говорил с удивлением: а с чем я, по-твоему, здесь тебя дожидаюсь?

— Подойдём к её носу, — сказал Денис. — Оставлять её я не хочу.

Буров только кивнул. Димо следил за водой. От обоих сейчас исходило то драгоценное спокойствие, при котором капитану очень легко вообразить себя храбрее всех на судне. Денис этому соблазну поддавался ещё на Волге и с возрастом научился промолчать.

Из машинного люка донеслось короткое «есть». Пароход опять пошёл к своей барже. Денис вцепился в поручень правой рукой, вздрогнул и отнял её. Хоть с плечом у господина лейтенанта имелось полное взаимное понимание. Боль была старая, ещё со сходней, и Денис был ей теперь даже рад: её-то он получил здесь, сам и совсем недавно.

На барже глухо застучало. Осипов что-то крикнул Седых и потянул его за рубаху к себе. То место, где Антон только что стоял, исчезло у Дениса из глаз. Испугался он теперь за Антона: Петра видел, а отвечал за обоих.

— У тебя Антон где? — спросил он боцмана.

— Стоит, ругается.

Больше никакого известия Денису не требовалось. А вот и Седых, спиной к мешкам, живой и злой. С одной ноги у него соскочил башмак, мокрый чулок сбился под пятку. Он поймал конец, который с «Камыша» подал Лаптев. На мгновение Денис увидел обоих баржевых плечом к плечу. Осипов махнул рукой: готово. Буксир дрогнул под ногами. Теперь баржа шла за ними. Денис помнил, как старый буксир тянул баржу в пробном рейсе. Сейчас корма осела, палуба задрожала и правый берег медленно поплыл им навстречу.

Осипов всё ещё стоял у переднего угла баржи. Он опёрся локтем о борт и уронил голову на руку. Минуту назад, должно быть, с жизнью прощался. А теперь глядел на Антона без башмака.

У баржи никого больше не было. Чужие лодки отходили. С берега ещё стреляли, и Ремизов со своими оставался там. Денису очень хотелось хоть что-нибудь крикнуть ему на прощанье. С такого расстояния крикни он теперь «спасибо» — Ремизов примет это за просьбу о помощи; добра не выйдет.

— Гляди-ка на Петра, — сказал рядом Димо.

Пётр стянул с одного мешка обрывок верёвочки и подвязал Антону сползший чулок. Где прежде был башмак, теперь было что-то вроде полотняного копытца. Копытце хорошо выглядело, пока не приходилось ступать по щепкам. Седых принялся размеренно объяснять ему это различие.

— Живы, — сказал Денис машинально, и Димо без всякой шутки ответил:

— Да.

* * *

Над Виноградным спуском поднялся светлый флажок. Можно подходить. Теперь Денис различал и колесо передней телеги, и серую лошадь с низко опущенной головой. На дороге двое мужчин устроились в тени под телегой так удобно, что ему даже сделалось обидно. Идёт к ним пароход; только что вполне мог не прийти. А один прикрылся картузом и спит. Хорошее, однако, место — берег.

Овёс лежал на месте, если не считать того, что просыпали при погрузке. Осипов через Лаптева передал, что верхняя доска у борта сколота. Денис спросил, сухо ли внизу. Лаптев

переспросил как следует, ответа сразу не было. На ровной воде такое ожидание занимает несколько секунд. Но после того как тебе удалось однажды получить от Дуная целую свою баржу, вдруг становится трудно поверить, что он отдаст её насовсем.

В конце концов Пётр показал из-за борта два пальца в овсяной мякине.

— Внизу сухо! Сухо, ваше благородие! — передал Лаптев. — А чтоб совсем спокойно было вашему благородию, Пётр советует прийти и самому штаны об неё вытереть.

Из-за мешков высунулась Петрова голова.

— Про штаны это вы свои слова добавили, Прохор Егорович!

— Ну ведь ты бы мог так сказать?

— А что ж я теперь, за всё, что бы я мог сказать, отвечать буду?

Они негромко препирались до самого берега. Денису было приятно слышать, что спор у них шёл о словах. У обоих имелась теперь твёрдая палуба под ногами и время перепроверить любой рассказ о сегодняшнем дне.

Буров довёл состав до своего места. Даже спавший под телегой успел встать и оправить рубаху. Сверху освободили вчерашний проход, на берегу уже стояли люди принимать. Помнится, вчера Денису было скучно смотреть, как ходят с пустыми носилками по голым доскам. Зато сегодня никто не пришёл расспрашивать боцмана, присылать ли носильщиков и кому сойти навстречу. Пётр встретил рабочего на краю баржи и положил его руку на мешок. Оба нагнулись, и первый мешок ушёл по сходням вверх. Следом понесли другой.

— Следовало бы иметь бумагу, господин лейтенант, — сказал с береговой площадки человек в картузе.

— Бумага есть. Подойдите. Овёс с того берега принимали?

— Принимаю. Я про баржу. У вас борт разбитый. Ступлю потом на берег, скажут, внизу телегой стукнул, виноват. Я и так тут на самом видном месте стою.

Денис снова оглянулся на баржу. Скол был сверху, почти на всю ширину доски. Под светлым на изломе деревом оставался тёмный, сырой след. Пётр привёл человека к повреждённому месту. Они обменялись какими-то соображениями насчёт того, можно ли дотянуться туда тележным колесом. Пётр ободряюще погладил доску, и по лицу приёмщика Денис понял, что это для него недостаточно веский довод.

— Отметьте у себя, что в таком виде пришла. Я подпишу.

Приёмщик с облегчением потянулся за карандашом, который всё это время держал за ухом. Пока шла разгрузка, Денис сошёл к нему на берег. В другой день он с удовольствием поглазел бы, что это за человек, у которого на Дунае имеются карандаш, огрызок свечки, складной нож, маленькая щётка одёжная и все бумаги под войлоком, а спит он под колесом со съехавшим на лицо картузом. Сегодня больше всего хотелось увидать, как примут последний мешок.

За последним мешком уже спускался тот самый рабочий, что отнёс один из первых. Седых передал ему мешок с тремя знакомыми стежками. Антон ждал, пока его поднимут на телегу. Мешок мягко лёг как раз швом кверху. Антон кивнул. Теперь хоть до столицы.

— Всё отдал? — спросил Денис, встретившись с ним взглядом.

— Всё, господин лейтенант. Ваше дело меня ещё домой свезти, я тут у вас босой.

— Где у тебя башмак?

Антон посмотрел на середину Дуная. Вода там была синяя, с длинными от ветра светлыми полосами. На таком просторе башмаку было где разгуляться.

— На берегу отдали овёс? — спросил Осипов. — А мне бы всё-таки с тебя расписку взять, господин приёмщик. Потом начнут разбирать, кто сколько взял, а нам с Антоном за недостающего коня плати.

— Мешок, — поправил Денис.

— Да нет, коня. Пока дойдёт от вас до меня, так и конь будет.

Приёмщик достал из-за войлока лист. Денис подписал отметку о повреждённой доске, приёмщик расписался за доставленный овёс. День стоял жаркий, и ему пришлось некоторое время держать оба листка так, чтобы ветер не прихлопнул их друг к другу. Виноградный спуск перестал быть названием, которое Ярцев указывал на карте. Здесь лошадь потянулась мордой к мешкам, сюда подкатили телегу с овсом, и сонный человек сунул за войлок листок за подписью Сафонова. Вернувшись на буксир, Денис увидел, что Лаптев уже убрал оборванный швартов. На его место Лаптев привязал запасной. Сколотую доску Пётр оставил до утра: пустую баржу можно довести и так.

* * *

Обратно шли куда легче. Баржа тянулась за ними порожняя, на палубе у борта при каждом толчке шуршала горстка овса. Антон сел на свёрнутый канат и наконец стянул чулок, чтобы осмотреть ступню. Тут и выяснилось, что башмак вовсе не пустился гулять по Дунаю. Один из береговых, поднимая мешок, снял его с носового бруса и прихватил под мышку вместе с овсом. Приёмщик вышел на край сходней с Антоновым башмаком, когда буксир уже отошёл. Этого утешительного зрелища Антон был лишён. Он сидел спиной к берегу.

— Человек доброе имя бережёт, а взял чужой башмак, — сказал Лаптев, глядя назад. — Придётся вам, ваше благородие, всем пароходом за ним вернуться.

— Завтра, — сказал Осипов вместо Дениса. — Наденешь пока мои запасные. Только там правый жмёт.

Седых поблагодарил. Правый на ноге у него был свой.

К Тихой стоянке вернулись засветло. «Камыш» встал, и впервые за несколько часов Денис перестал чувствовать под ногами дрожь машины. Очень захотелось полежать. Вчера на том самом месте кусок свободного берега сразу заняли бы люди с новой работой для него. Теперь первым явился Шилов, сел на квадратную крышку люка возле Денисова сапога и опустил рукава на голые запястья. Лаптев подошёл с куском испорченного швартова. Нести его сюда незачем было, всё нужное о нём и так уже знали. Прохору Егоровичу, видно, хотелось иметь занятие для рук.

— Палуба? — спросил Денис.

— Завтра верхнюю доску менять, — ответил боцман. — Этим концом только курицу привязывать. С берега новый возьмём. Люди мои все здесь. Хотите, завтра с утра покажу вам, кто на какую работу годится?

— Опять повезёшь? — спросил Денис у Шилова.

— Машина повезёт. За неё я ручаюсь. А вот когда Юдин от меня вышел, ему на берегу велели за кипятком сходить. Он пустую кружку под кран поставил, отвернулся и уснул. Мне его жаль, Андрей Никитич. Он даже сахар достал. Думал, чай выпьет.

— Дайте ему хоть кружку теперь допить.

— Отпустите людей после ремонта, так я им и кипятку добуду, — сказал Шилов. — Он большой мастер за других просить, — добавил он про Лаптева. — Особенно когда сам спать хочет, а на нём фуражка. Кабы без фуражки, давно бы пошёл и лёг.

— Твою фуражку я нынче уже видел. Висит на гвозде, а ты ходишь, — возразил боцман. Он ещё немного повертел в пальцах швартов и положил его на палубу. — Оно бы нам с Ефимом Лукичом и впрямь хорошо, если ваших хлопот хватит.

— А Савва? — спросил Денис.

Из-за навеса откликнулись, что доктор уже побывал, порез на голени Савве перевязали. Сидеть ему теперь можно хоть до Страшного суда, но ужинать он предпочёл бы со всеми.

Седых проворно вынул из-за отворота рубахи тяжёлую иглу с остатком суровой нитки. Пошёл босиком передать её хозяину. За ним не спеша потянулись остальные.

Денис задержался с боцманом. Всё это время он воображал себе, как ответит Ярцеву про баржу. Человек веселится, когда хорошо отвечать начальству. Про доску скажет, откуда взять замену. Спросит Ярцев, где фураж, — бумага лежит в кармане. А про отдых людей можно бы и вовсе ничего не просить. Вернулись вовремя, судно цело, что ещё требуется от капитана?

Юдин вышел на воздух. Нёс кружку бережно, в обеих ладонях, на кителе расплылось застарелое масляное пятно. Присел у самого люка и стал макать в чай то хлебную корочку, то кусочек сахару. Сахар у него едва не выскользнул. Юдин спохватился, поднял голову и украдкой оглянулся — не видел ли кто. Денис отвёл глаза. Чаю человеку уже досталось. Главное было ещё впереди.

— Напишу Ярцеву, — сказал он. — Сначала осмотр и починка. Потом пусть даст нам смену. Следующего рейса я пока никому не обещал.

— Вот за это спасибо, — просто ответил боцман.

Капитан спустился в каюту. Снял китель, добыл из него бумагу, уложил на стол. Перо попалось жёсткое и сперва забрало полчернильницы. Написал, что груз принят, баржа вернулась, для работы понадобятся доска и новый швартов. Прочёл написанное и дописал внизу просьбу дать людям отдохнуть. Бумагу отправили к Ярцеву с берега.

Когда Денис снова вышел на палубу, на берегу под навесом на перевёрнутом ящике сидел Лебедев, вытянув перевязанную ногу. Седых сидел рядом и старательно зашивал прореху на Саввиной штанине. Сам Савва, памятуя утреннюю работу, на всякий случай держал ладонь между голенью и штаниной.

— Ты там меня не пришей, — услышал Денис.

— Ну, ещё чего, — отозвался Антон. — Мешок-то разве скажет, где ему колется?

Глава 6. Свой капитан

— Прохор Егорович, вы меня, когда будете отпускать спать, не будите.

— Можешь спать, Филипп. На кисейной подушке посередь своей постели.

Денис потянул изнутри каютную дверь. На пороге сидел Карпов. Лишившись опоры, он заглянул в каюту снизу вверх. Лицо у него было сонное, а на щеке отпечатался узор дверной доски.

— Простите, ваше благородие. Тут спиной прислониться хорошо.

На палубу Карпов вышел уже с таким лицом, будто полчаса простоял там в ожидании запоздалого начальства. Лаптев дал ему донести на баржу ломик, сам остался у трапа.

— У Саввы ногу не разнесло, это я нынче узнавал. Перевязку оставили, работать не велено. Осталось доску сменить. И швартов с берега дадут взамен вчерашнего, а запасной мы опять свернём, уберём.

Денис кое-как натянул китель на больное плечо. Лаптев, надо отдать ему справедливость, дал капитану расправиться с рукавом самому.

— А ты-то спал, Прохор Егорович?

— По мне видно?

— По тебе нет. Карпов у меня целый сон досмотрел.

— Вахту сдал и ждал, когда вы встанете. Он сам хотел про Савву доложить.

На барже Осипов держал ребром новую доску, а Седых с береговым плотником вынимали старую. Седых придержал старую доску ногой. Башмаки на нём были разные. Свой, правый, шнуровался до самого верха, а на левом, Осиповом, Антону пришлось перехватить шнурок вокруг щиколотки. Светлая щепа отлетела в воду, Карпов перегнулся поглядеть, как она пойдёт мимо борта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.